

Гарриет Бичер-Стоу

Агнес из Сорренто

Впервые на русском!

Гарриет Бичер-Стоу
**Агнес из Сорренто.
Впервые на русском!**

«Издательские решения»

Бичер-Стоу Г.

Агнес из Сорренто. Впервые на русском! / Г. Бичер-Стоу —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533005-5

Италия, конец XV века. Печально известные Борджиа разоряют земли знатных римских семейств. Бесстрашный монах Джироламо Савонарола призывает церковь к покаянию. В горной хижине на окраинах Сорренто живёт старая Эльси со своей внучкой, прекрасной Агнес. Выросшая на легендах о святых, девочка мечтает уйти в монастырь, когда на ее пути встает Агостино Сарелли — обаятельный главарь разбойников... Книга пронизана солнечным светом, ароматом апельсиновых рощ, журчаньем римских фонтанов и свечением моря.

ISBN 978-5-00-533005-5

© Бичер-Стоу Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Старый город	6
Глава 2. Голубиное гнездо	9
Глава 3. Ущелье	12
Глава 4. Кто и откуда	14
Глава 5. Падре Франческо	18
Глава 6. Прогулка в монастырь	23
Глава 7. День в монастыре	28
Глава 8. Молодой человек	35
Глава 9. Художник-монах	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Агнес из Сорренто Впервые на русском!

Гарриет Бичер-Стоу

Переводчик Анна Ричардовна Кацюн

© Гарриет Бичер-Стоу, 2021

© Анна Ричардовна Кацюн, перевод, 2021

ISBN 978-5-0053-3005-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Старый город

Косые лучи заходящего солнца струились сквозь старинные ворота Сорренто, превращая в золото потемневшую от времени скульптуру святого Антония на вершине арки. Он стоял там уже несколько сотен лет, благодушно осеняя благословением входящих и выходящих из города, в то время как мох и лишайники плели затейливый узор на его священнических одеждах, пучки травы украшали сандалии, а вьющиеся растения спускались живописными гирляндами с широких рукавов. Маленькие птички беззаботно присаживались то на кончике его носа, то на верхушке головного убора, щебетали и чистили пёрышки; мир же у его ног жил своей жизнью и был так же равнодушен, как и при жизни доброго святого, который, отчаявшись найти понимание среди людей, обратился со своей проповедью к птицам и рыбам.

Каждый, кому случалось проходить через эти старые ворота в лето благодати Господней ХХХХ, мог увидеть маленькую Агнес, сидящую за прилавком с золотистыми апельсинами. Невозможно было не обратить на неё внимание, читатель: она была прекрасна как картинка. Это лицо будто бы сошло с иконы придорожной итальянской часовни, где по вечерам слабо горит лампадка, а каждое утро появляются свежие цикламены и левкои.

Ей могло быть лет пятнадцать или около того, но она была так хрупка, что выглядела ещё совсем ребёнком. Её чёрные волосы были разделены прямым пробором над высоким лбом, который, как арка собора, навел на мысли о вечном. Большие карие глаза лучились загадочным блеском сродни блеску глубокого колодца с чистой и прохладной водой. Небольшие губки были сжаты, скрывая невысказанные чувства, а тонкая, изящная линия носа производила впечатление совершенства. Это было лицо, приводившее на память античные скульптуры, фрагментами которых до сих пор полна земля Италии. По привычке, она держала голову высоко, как бы вглядываясь в синеву небосвода; задумчивость и спокойствие пронизывали всё её существо.

В ту минуту, когда мы привлекли к ней ваше внимание, милая головка наклонена, а длинные ресницы опущены на бледные щёки: колокола кафедрального собора звонят к вечерней молитве. Рядом с девочкой сидит женщина лет шестидесяти – высокая, дородная римская матрона с угловатой фигурой и решительным выражением лица. Её римский нос, чётко очерченные губы и сила, сквозящая в каждом движении, выдают в ней волевой характер. При звуках Аве Мария она энергично откладывает в сторону свою прялку и тоже смиренно наклоняет голову, как пристало доброй христианке.

Душа ребёнка полна свежести. Она воспаряет ввысь в лучах солнца, словно утренняя роса. Молитва же пожилой дамы переплетается с мирскими заботами; она думает о том, сколько апельсинов им уже удалось продать, и пытается подсчитать сегодняшний заработок; её пальцы на мгновение отрываются от бусин чётки, чтобы проверить, убрана ли с прилавка последняя монетка. Бросив очередной взгляд перед собой, она вдруг обнаружила, что прямо напротив них остановился красивый молодой всадник, с нескрываемым восхищением глядя на её внучку.

– Пусть себе смотрит, – подумала она, крепче сжав чётки. – Красивое личико привлекает покупателей, а апельсины надо превращать в деньги. Но каждый, кто пожелал бы большего, будет иметь дело со мной. *Аве Мария, молись о нас, грешных...*

Ещё несколько секунд, и волна молитвы, прокатившаяся по узким улочкам, как порыв ветра, склоняющего головки цветов на цветущем лугу, замерла, а мир, как ни в чём не бывало, вернулся к своим земным делам.

– Добрый вечер, милая девушка, – сказал всадник, спешиваясь и подходя к прилавку с той непринуждённой лёгкостью человека, который уверен в сердечном приёме. Соколиный

взгляд его глубоких карих глаз был устремлён на Агнес, всё ещё погружённую в молитвенное состояние.

– Добрый вечер, красавица, – повторил он. – Если ты не откроешь глаз, тебя начнут почитать, как святую!

– Сэр! Милорд! – пробормотала девочка, и её щеки окрасились лёгким румянцем, а мечтательные глаза бросили на незнакомца взгляд испуганной птички, готовой сорваться с места и улететь.

– Агнес, очнись, – строго отозвалась седовласая дама, – этот джентльмен спрашивает тебя о цене апельсинов. Пошевеливайся, детка!

– Прошу прощения, милорд, – торопливо сказала девочка, – вот прекрасная дюжина.

– Что ж, я куплю их, прелестница, – сказал молодой человек, небрежно бросая на стол золотую монетку.

– Агнес, беги скорее к Рафаэлю, торговцу птицей, за мелочью, – сказала пожилая женщина, ловко подхватывая золото.

– Нет, добрая мать, оставь это себе, – возразил молодой человек невозмутимо. – Я позволю себе получить расчёт другим образом, – и, наклонившись, поцеловал девочку в лоб.

– Постыдитесь, сэр! – воскликнула бабушка, приподнимая прялку; в её больших чёрных глазах засверкали молнии. – Этот ребёнок назван в честь святой Агнес, и находится под её защитой!

– Пусть святые будут снисходительны к нам, когда их красота заставляет нас терять рассудок, – отвечал незнакомец с улыбкой. – Посмотри на меня, малышка, – добавил он, – и скажи: ты будешь молиться за меня?

Девочка подняла на него свои большие глаза, и, взглядевшись в красивое надменное лицо с той необычной серьёзностью, с какой смотрят дети, ответила просто и искренно: – Да, милорд, я буду молиться за Вас.

– А это – передай это от меня на алтарь святой Агнес, – сказал молодой человек, снимая с пальца кольцо с бриллиантом и вкладывая его в руку девочки. И, прежде чем бабушка или внучка успели прийти в себя и что-либо сказать, он перебрал край своего плаща через плечо, вскочил на лошадь и ускакал прочь по узкой улочке, напевая себе под носом весёлую мелодию.

– Милую голубку ты подстрелил, – заметил другой молодой человек, который наблюдал за этой короткой сценой издали, и присоединился теперь к нашему герою.

– Вроде того, – равнодушно ответил тот.

– Имей ввиду, что старуха держит её в клетке, как редкую птичку, – продолжал его спутник, и даже поговорить с ней невозможно. Рука у старой дамы крепка, а прялка тяжела.

– Вот как, – сказал молодой человек, придержав коня, и обернулся, – где же она её держит?

– Они живут в чем-то наподобие голубиного гнезда над расщелиной; но девушку никто никогда не видел одну, – бабушка зорко следит за ней. Говорят, что она хочет сделать из девочки святую. Малышка не выходит никуда, кроме мессы, исповеди и причастия.

– Правда? – хмыкнул первый. – А ведь выглядит она как старинная икона Святой Девы, – ни капли человеческой крови! Когда я поцеловал её в лоб, она посмотрела на меня с невинностью младенца. Меня так и подмывает проверить, чего я мог бы добиться в этом случае.

– Берегись бабушкиной прялки! – засмеялся второй.

– Видал я старух и похлеще, – рассеянно отозвался молодой человек, после чего оба свернули в боковую улочку и исчезли из виду.

Тем временем чьи-то лёгкие шаги привели в себя бабушку и внучку от немного изумления, в котором они смотрели вслед молодому человеку. Пара блестящих глаз сверкнула на них из-под капюшона длинной алой накидки, которая казалась ещё ярче в лучах заходящего солнца.

Перед ними стояла Джульетта, известная местная кокетка, девушка с круглыми плечами, полной грудью и огромными чёрными глазами. Её загорелое лицо не уступало изяществу скульптуры, а румянец на щеках напоминал цвет спелого граната. В её движениях сквозила лень, выдавая человека со спокойным и весёлым характером, – и такой она бывала в добром расположении духа. Сегодня, судя по выражению лица, её только что что-то сильно позабавило, и она игриво ущипнула Агнес за ухо.

– Неужели ты скажешь, что не узнала своего поклонника, сестрица? – спросила она, бросая на Агнес многозначительные взгляды.

– Ещё чего! Честные девушки не нуждаются в поклонниках! – фыркнула дама Эльси, энергично складывая оставшиеся апельсины в корзину и прикрывая их домотканым льняным полотенцем. – Ещё ни одной девушки к добру не привели праздное шатанье по городу и интерес к легкомысленным молодым людям. Агнес не любопытна, и слава за это её святой заступнице!

– Мне кажется, нет ничего плохого в том, чтобы знать, кто стоит прямо перед тобой, – возразила Джульетта. – Это каким нужно быть слепым и глухим, чтобы не узнать лорда Адриана! Его узнает любая девушка в Сорренто. Говорят, что он даже славнее, чем кажется, что он родственник самого короля. Во всяком случае, свет не видел более привлекательного и обаятельного джентльмена, чем он.

– Вот и прекрасно, только пускай оставит нас в покое, – сказала Эльси. – Орлам нечего делать в голубиных гнёздах. Нам такие знакомства ни к чему.

– Но и вреда от них тоже нет, насколько мне известно, – стояла на своём Джульетта. – Но покажи-ка мне, милашка, что он тебе подарил. Святая Дева! что за кольцо!

– Это в дар на алтарь святой Агнес, – простодушно объяснила девочка.

Эти слова так рассмешили Джульетту, что вся накидка заходила ходуном от её хохота.

– На алтарь святой Агнес! – повторила она. – Вот умница!

– Пошла, пошла, бесстыдница! – сердито замахала на неё Эльси прялкой. – Если когда-нибудь у тебя будет муж, надеюсь, он задаст тебе хорошую трёпку! Даю слово, что тебе это необходимо! Вечно торчишь на мосту, болтая с молодыми людьми! Ничего-то ты в святых не разбираешься, поэтому держись подальше от моего ребёнка. Идём, Агнес! – сказала она, поднимая корзину с апельсинами и ставя её себе на голову. Гордо выпрямив свою дородную фигуру, она схватила девочку за руку и повела прочь.

Глава 2. Голубиное гнездо

Старинный город Сорренто лежит на возвышенном плато, которое простирается до самых солнечных вод Средиземного моря; со всех сторон город окружён грядой гор, которые ограждают его от пронзительных ветров и служат такой же естественной защитой от внешнего мира, как забор для сада. Здесь простираются апельсиновые и лимонные рощи, которые приносят обильный урожай и наполняют воздух чудесным ароматом. Запах цитрусов переплетается с нотками роз и жасминов. Луга и поля изобилуют цветами и кажутся живым воплощением мифических Елисейских полей, воспетых древними поэтами. Жаркий воздух неизменно охлаждается морским бризом, который привносит приятную свежесть в душный климат.

В этих благоприятных условиях живут люди с такой совершенной внешностью, какую редко встретишь в иных местах. Говорят, что в Сорренто и его окрестностях красота – это правило, а не исключение. Здесь непривычно встретить не идеальное телосложение, а его отсутствие. Редко увидишь мужчину, женщину или ребёнка, которые бы не имели в себе чего-то привлекательного; даже разительная красота вполне обычна. Под этим ласковым небом даже манеры людей наделены естественной мягкостью и грацией. Казалось бы, человечество, убаюканное добротой природы, проявило себе все лучшие качества, какими может обладать человек, раскрылось и подобрело, не в пример суровым и замкнутым народам под пасмурным небом Севера.

Город Сорренто нависает над морем, тянется по скалистым, извилистым берегам, которые то тут, то там обрываются красочными гротами и ущельями, обрывисто сбегаящими к самой воде, полными дикого винограда и ярких цветов. Отсюда открывается один из прелестнейших в мире видов. Вдалеке, окутанные лёгкой сиреневой дымкой, вздымаются две вершины Везувия. Неаполь с примыкающими к нему рыбацкими деревнями поблескивает на расстоянии, как жемчужная нить на королевском плаще. Чуть поближе сквозь туманную пелену мерцают скалистые берега острова Капри. Море переливается и горит всеми цветами, как павлиний хвост, и даже в самом воздухе разлито очарование.

С трёх сторон город отделён от материка ущельем в двести футов глубиной и сорок или пятьдесят футов шириной. Две стороны ущелья соединяет узкий арочный мост, строительство которого уходит корнями во времена Римской империи. Этот мост – излюбленное место отдыха жителей города. По вечерам у его замшелых перил прохладается пёстрая публика: мужчины в красочных вязаных шаперонах, с кокетливо отброшенной на бок пелериной; женщины с блестящими чёрными волосами и огромными жемчужными серьгами в ушах – гордостью и достоянием целой семьи.

Возможно, современный посетитель Сорренто, побывавший на этом мосту, вспомнит как, вглядываясь в мрачные глубины ущелья, видел над отвесным обрывом белую виллу, окружённую садом и апельсиновой рощей. Несколько сотен лет назад на месте этой виллы стоял скромный домик – жилище двух женщин, чью историю мы только что начали рассказывать. Небольшой каменный коттедж с арочной аркадой перед входом выделялся своей белизной из тёмной листвы апельсиновых деревьев.

Жильё это ютилось между двумя скалами как птичье гнёздышко. За его плечами отвесно возвышалась гора, создавая естественную стену. Вокруг домика, почти подвешенный в воздухе, был расположен крохотный участок возделываемой земли, края которого круто обрывались над самым ущельем, уходившем вниз на несколько сотен футов.

На плодородной вулканической почве садика произрастали две дюжины апельсиновых деревьев, высоких и стройных, со здоровыми блестящими стволами; их листва бросала на землю такую густую тень, что ни одно растение, кроме бархатистого мха, не осмеливалось запустить между ними свои корни. Эти деревья были единственным источником дохода двух

женщин и единственным украшением сада; обвешанные золотистыми плодами, полные душистых цветов, они превращали этот скалистый клочок земли в сказочный сад Гесперид.

Перед дверями каменного коттеджа, как мы уже упоминали, была открытая побеленная аркада, с которой можно было заглянуть вниз в ущелье, как в загадочный подземный мир. Странный и причудливый вид открывался сверху. В прохладной тени можно было разглядеть загадочные входы в пещеры, прикрытые длинными ветвями вьющихся растений, медленно покачивающихся от лёгкого ветра; гигантские серые кусты алое, ухитрившиеся запустить корни в скальные трещины и напоминающие призрачных рогатых эльфов. Не было недостатка и в цветах: белых ирисах, подобных бледнолицым принцессам, выглядывающим из зачарованной башни; пурпурной герани, жёлтом дроке и красных гладиолусах, вспыхивающих яркими красками в редких лучах солнца, долетавших до дна ущелья.

А ещё, в этом месте было то, что дополняет красоту каждой итальянской картинки – весёлое журчанье воды. Прямо рядом с домиком из скалы выбивался чистый горный ручеёк, который с тихим бормотаньем перескакивал с камня на камень, падая, наконец, в причудливую замшелую вазу, затерявшую здесь ещё со времён римских гробниц. Её бока были богато украшены резными листьями и знаками, но смысл их давно потерялся под серым лишайником. Там, где ручей разбрызгивал свою живительную влагу, густо разросся папоротник и адиантум; серебристые капли подрагивали на листьях в такт пения ручья. Избыток воды перетекал из вазы по небольшому жёлобу ко краю сада, откуда скатывался в пропасть, подпрыгивая всю дорогу до самого потока на дне ущелья.

Руины древних построек давали о себе знать повсюду. Садовая стена на краю обрыва тоже была построена из кусков белого мрамора, – вероятно, обломков той же римской гробницы. То тут, то там среди пышной растительности виднелся то коринфский орнамент, то основание старинной колонны, а то и часть какой-нибудь скульптуры. Разбросанные по всей Италии, эти остатки прошлого до наших дней шепчут об ушедшем, о целых поколениях людей, на чьих могилах построена современная жизнь.

– Присядь, отдохни, моя девочка, – сказала дама Эльси своей маленькой подопечной, когда они зашли в свой дворик. Только сейчас она заметила, что девочка совсем запыхалась и тяжело дышала от скорости, с которой они добирались сюда. – Посиди, дорогая, я приготовлю ужин.

– Хорошо, бабушка, я посижу. Ведь мне необходимо сейчас прочитать молитву за душу того красивого джентльмена, который поцеловал меня сегодня.

– Откуда ты знаешь, что он красив, дитя? – спросила пожилая женщина с досадой в голосе.

– Он попросил меня взглянуть на него, бабушка, и я это увидела.

– Тебе следует немедленно забыть об этом, – сказала та.

– Почему? – спросила девочка, подняв на неё удивлённые глаза, такие же чистые, как у трёхлетнего ребёнка.

– Если она не знает, зачем говорить ей об этом? – подумала старая Эльси, направляясь в дом и оставив ребёнка на замшелом парапете садовой стены.

С места, где сидела Агнес видно было не только тёмное ущелье; оттуда открывался также вид на Средиземное море, мерцавшее далеко впереди. Сегодня море было спокойно и отливало то золотом, то багрянцем, а облака, нависшие над Везувием, окрасились в бледно-розовый цвет.

В гористой местности на человека снисходит возвышенное настроение. Чувствуешь себя как физически, так и духовно выше этого мира; начинаешь смотреть на земные дела как будто со стороны. Наша маленькая героиня несколько минут сидела, молча вглядываясь вдаль. Взгляд её задумчивых глаз был устремлен на что-то невидимое для остальных, губы слегка приоткрылись: казалось, она обдумывала какую-то серьёзную, но приятную мысль.

Наконец, очнувшись от задумчивости, она начала срывать свежие цветы апельсина, целуя и прижимая их к себе. Цветы предназначались для домашней часовенки, вырубленной прямо в скале, где за стеклянной дверцей находилась икона Мадонны с Младенцем. Картина была удачной копией одного из прекраснейших творений флорентийской школы. Именно флорентийским художникам мы обязаны лучшими портретами нежных женских лиц, которые порой глядят на нас из придорожных часовен или в домашних святынях.

Бедняга, который нарисовал эту икону, был бродячим художником, которого Эльси приютила и за которым ухаживала во время его долгой болезни много лет назад. Он вложил в последнюю картину всё своё умирающее сердце и несбывшиеся надежды; может быть поэтому икона казалась почти живой. Агнес была знакома с ней с раннего детства, и каждый день сменяла перед ней цветы. Эта картина казалась ей старой знакомой: она улыбалась её детским радостям и разделяла её детские печали.

Старательно украсив часовенку цветами, Агнес опустилась на колени и стала молиться за душу молодого человека.

– Святой Иисус, – сказала она. – Он очень богат, молод, красив, и ещё он – родственник короля. Всеми этими преимуществами дьявол может искушать его, чтобы он забыл Бога и погубил свою душу. Святая мать, дай ему добрый совет!

– Иди, детка, ужин готов, – отозвалась Эльси. – Я подоила коз, всё готово!

Глава 3. Ущелье

После лёгкого ужина Агнес взяла свою прялку, обмотанную белоснежным льном, и снова устроилась на своём любимом месте – низком парапете с видом на ущелье.

Головокружительная глубина, буйная растительность, бормотанье крошечных водопадов, спадавших вниз – всё это делало ущелье предметом размышлений девочки и давало пищу её воображению. Древняя итальянская традиция населяла такие места фавнами и дриадами, – дикими лесными существами, соединительным звеном между растительной жизнью и разумным человеком. Христианство, которое пришло в эти края на смену язычеству, внесло не только светлую веру в бессмертие святых, но и более мрачные понятия о противостоянии добра и зла, о вечной борьбе, которую ведёт человеческий дух, чтобы избежать вечных страданий и восстать к бесконечному блаженству. На смену красочным и беззаботным существам из древнеримских мифов пришли суровые и грозные ангелы, а в их тени – пугающие, отвратительные бесы. Вместо дриад и фавнов каждое глухое ущелье, каждая тёмная пещера стали прибежищем новых существ – беспокойных демонов, которые сами потеряли надежду на бессмертие и теперь подстерегают слабого человека, чтобы и его лишить славного будущего.

Воспитание, которое получила Агнес, сделало её особенно чувствительной ко всему, что касалось невидимого мира. Позже мы расскажем подробнее о её воспитании. Пока что она сидит в лунном свете на замшелом мраморном парапете; прялка давно замерла в её руках, а тёмные глаза неотрывно вглядываются во мрак пропасти. В ночной тишине ещё отчётливее слышны загадочные звуки в ущелье – вдохи и бормотанье ручья, шелест ветра в ветках плюща. Белый туман медленно поднимается по стенам скал, колышется, наползает то на островок зелени, то на колючий куст алоэ. Издалека он похож на белый гоблинский плащ.

Над морем догорели последние лучи солнца, погрузив очертания Везувия в серые сумерки; в дымке отчётливее видны язычки огня, вырывающиеся из вершины вулкана. На горизонте ещё видна алая полоса, но большая круглая луна уже взошла и напоминает яркую серебряную лампу.

Казалось, девушку охватило лихорадочное волнение; она глубоко вздыхала и снова и снова повторяла молитву. В это время из тумана в глубине ущелья до неё донёлся звучный мужской голос, который красивым тенором напевал тягучую и печальную мелодию. Есть голоса, которые способны передать сокровенные чувства души, не оставляя никого равнодушным. Отчётливо слышны были слова песни:

Печален я и одинок,
Надежды нет
Лишь ты одна – моя любовь
И свет.

Прекрасный ангел, где же ты?
Тоскую я.
Взгляни хотя бы только раз
Ты на меня.

Лишь небу ты принадлежишь,
И мыслям горним.
Но небо тоже – посмотри —
Любовью полно.

В звуках этой песни было столько одухотворения, что на глазах у Агнес выступили слёзы и одна за другой закапали на листья папоротника. Она вздрогнула и торопливо отошла от края скалы. Ей вспомнились рассказы монашек о духах, блуждающих в пустынных местах, которые соблазняют неопытных путников прекрасной музыкой, чтобы сбить их с пути, а потом привести к ужасной гибели.

– Агнес! – раздался резкий голос старой Эльси, появившейся в дверях, – вот ты где!

– Я здесь, бабушка.

– Кто это поёт в такой поздний час?

– Я не знаю, бабушка.

Почему-то девочка почувствовала, что эта песня является её собственной прекрасной тайной, мостиком между нею и чем-то ещё незнакомым, что ей предстояло полюбить.

– Эти звуки несутся из ущелья? – забормотала старуха, решительно подходя к парапету и пытаясь что-то разглядеть внизу своими зоркими глазами. – Если там кто-нибудь есть, пусть убирается подобру-поздорову и не нарушает покой честных женщин своим кошачьим завыванием. Идём, Агнес, – добавила она, дёрнув девочку за рукав, – думаю, ты устала, моя овечка. Ты всегда так долго молишься по вечерам, малышка, что бабушке приходится идти за тобой, чтобы уложить тебя спать. Что с тобой? Ты плакала? Твои ручки холодны, как лёд.

– Бабушка, а что, если это дух? – спросила Агнес. – Сестра Роза рассказывала мне про поющих духов, которые живут в нашем ущелье.

– Вполне возможно, – согласилась Эльси, – но какое нам до них дело? Пусть себе поют – если их не слушать, они не причинят вреда. Мы окропим парапет святой водой и поручим себя защите святой Агнес, – после этого они могут петь хоть до хрипоты.

Такое вот практическое применение эта добрая женщина нашла дарам благодати, которые церковь предоставила в её распоряжение. Когда Агнес склонилась на колени перед своей кроватью, она и в самом деле отправилась кропить ущелье, попутно обращая сама к себе с таким причудливым монологом:

– Вот же беда с этими девчонками! Каждый хочет иметь красивых детей, но присматривать за красивой девочкой – сущее наказание. Конечно, она хороший ребёнок – не то, что твоя Джульетта. Но чем она лучше, тем скорее вокруг неё появятся ухажёры! Будь он неладен, этот родственник короля, или кто бы он там не был! Держу пари, что это он устроил сегодняшнюю серенаду. Надо поговорить с Антонио и скорее выдать её замуж. С другой стороны, не хочется ему отдавать такую девочку, не стоит он её. Нет нам, матерям, покою на этой земле! Может, посоветоваться с отцом Франческо? Так вот и обольстили бедную Изеллу. Мне кажется, пение – от дьявола: оно всегда очаровывает девушек. Плеснула бы я в ущелье кипящим маслом – вот тогда посмотрели бы мы, каким голосом он запоёт! Что ж! надеюсь, в раю мне отведут приличное место за все страдания, которых я натерпелась вначале с её матерью, а теперь, чует моё сердце, натерплюсь и с ней, честное слово!

Прошло около часа. Огромная круглая луна молчаливо освещала маленький домик между скал, окружённый серебристой листвой апельсиновых деревьев. Волшебный аромат цветов окутывал весь сад. Лунный свет заглядывал через незанавешенное окошко в спальню, светлым квадратом очерчивая кровать, на которой спала Агнес. Тонкие черты её нежного лица в бледном свете ещё сильнее напоминали бескровных мадонн с картин Фра Анджелико.

Противоположностью ей была бабушка, которая лежала рядом с ней. Лунный свет подчеркивал её выразительное, суровое лицо, загоревшее и отмеченное временем и заботами, и похожа она была на Судьбу, какой её изображал на своих полотнах Микеланджело. Даже во сне она крепко сжимала тонкую ручку девочки в своей морщинистой, тёмной от загара руке.

Пока они спят, давайте познакомимся с историей маленькой Агнес: откуда она, и как здесь оказалась.

Глава 4. Кто и откуда

Старая Эльси не родилась крестьянкой. Когда-то она была женой управляющего в одном из самых знатных домов Рима, где имя и обычаи передаются по наследству. Манера держаться и говорить всё ещё выдаёт в ней женщину с сильной волей и решительным характером, мужественную и способную извлечь выгоду из каждого таланта, которым наделила её природа.

Провидение подарило Эльси дочь – девушку поразительной красоты, которая обращала на себя внимание даже в стране, где красота – не редкость. Вдобавок к красоте, маленькая Изелла обладала острым, сообразительным умом, грацией и отвагой. Будучи ребёнком, она стала любимицей принцессы, у которой служила Эльси. Изнывая от скуки, которая является неизменным уделом богатых и знатных, принцесса держала у себя для развлечения много разных домашних игрушек: изящных белых гончих, будто вылепленных из севрского фарфора; длинноухих спаниелей с бахромчатыми лапками; обезьянок, которые временами производили ужасное опустошение в гардеробе своей хозяйки; и очаровательного маленького карлика, который был безобразен настолько же, насколько обладал вредным и язвительным характером. Кроме этого, в поместье принцессы можно было встретить павлинов, разные виды попугаев и певчих птиц, соколов, лошадей и собак, – одним словом, сложно было бы назвать что-то, чего у неё не было.

Однажды ей в голову пришло включить в свою коллекцию маленькую Изеллу. С аристократической небрежностью она протянула свою белую руку, украшенную драгоценными кольцами, и сорвала единственный цветок Эльси, чтобы перенести его в свою оранжерею. Но Эльси не была против – она гордилась этим.

Теперь её дочь постоянно находилась в присутствии хозяйки поместья и постигала все премудрости, которые могла бы познавать собственная дочь принцессы. Правду сказать, обучение девочек в те времена не было слишком глубоким: всё, чему обучали Изеллу, было пение и игра на музыкальных инструментах, к тому – немного вышивания и танцев, умение написать собственное имя и прочитав любовную записку.

Всем известно, что хозяева балуют своих любимчиков, – так и Изелла была избалована до крайности. Её нарядов было достаточно, чтобы переодеваться каждый день в году, украшений – без счёта. Принцесса забавлялась, примеривая на красивую девочку всё новые и новые наряды, так что та носилась по поместью, напоминая радужного колибри или блестящую стрекозу. Изелла была настоящим ребёнком Италии: живой, полной чувств, впечатлительной девочкой. В тропических лучах благосклонности своей опекуниши она расцвела, как прекрасная итальянская роза, которая разбрасывает свои ветки далеко вокруг, обсыпая их великолепием цветов и аромата.

Итак, поначалу казалось, что девочке очень повезло, и её мать с умилением и восторгом наблюдала за ней издали. Принцесса была привязана к ребёнку и почти потеряла из-за неё рассудок, – так случается, когда благородные леди отдаются какому-нибудь капризу. Она позволяла девушке вволю кокетничать и флиртовать со своим окружением, и, наконец, помолвила её с красивым молодым офицером из своей свиты, когда сама от него устала.

Разве удивительно то, что молодая головка пятнадцати лет вскружилась этим успехом? Ведь и пожилая голова пятидесяти лет тоже поверила в то, что всё возможно, когда судьба так благоволит к её внучке. Не станем удивляться и тому, что молодая кокетка, окружённая поклонниками, осыпаемая комплиментами, уверенная в своей неотразимости обратила внимание на молодого сына и наследника, когда он вернулся домой из Болонского университета. Нет ничего удивительного в том, что сын и наследник, будучи человеком в не меньшей мере, чем принцем, поступил так же, как любой другой мужчина на его месте, – а именно, влюбился без ума в это ослепительное, порхающее, то ускользающее, то снова манящее его экзотиче-

ское существо, ко встрече с которым его не подготовил ни один университет. И, в конце концов, не удивительно, что уже через несколько недель после своего возвращения домой этот самый принц не знал, стоит ли он на ногах или вверх ногами, встаёт ли солнце на востоке или на западе, и не вспомнил бы, как его зовут или где он находится.

Одним словом, молодая пара очень скоро достигла волшебной страны, где нет ни ориентиров, ни времени, ни широты, ни долготы, а лишь бесконечные прогулки по очарованным аллеям среди поющих соловьёв.

Только стараниями внимательно наблюдавшей за событиями Эльси молодые попали в это райское место через законные ворота брака: пожилая мать видела, что молодой человек готов был сложить что угодно к ногам своего божества, и не преминула этим воспользоваться.

Итак, они предстали перед алтарём столь же пламенно влюблёнными, как Ромео и Джульет; однако, какое отношение может иметь истинная любовь к наследнику сотен поколений и римских титулов? И роза любви, проходя через все стадии от бутона до полного цветения, однажды тоже начинает осыпаться. Это вполне естественно, ибо кто слышал когда-либо о бессмертных розах?

Наступил момент, когда всё стало известно. Изелла готовилась стать матерью; и в это время буря обрушилась на неё и швырнула её в грязь с такой же силой, с какой грозовой ветер крушит нежные лилии, взлелеянные летним солнцем.

Принцесса была женщиной очень набожной и благоприличной; именно поэтому она без сожаления выбросила свою воспитанницу на улицу, как выбрасывают сорняки, и практически растоптала её каблуками своих дорогих туфель. Она простила бы ей любую шалость, – ведь вполне естественно, что девушка могла прельститься несравненным очарованием её сына, – но осмелиться подумать о *браке*! Дерзнуть называть себя *женой* её сына! Стать частью древнего римского рода! Слышал ли кто-либо о подобном предательстве со времён Иуды Искарота?

Говорят, что в те времена было модно карать преступников замуровыванием, особенно в случаях, когда требовалось избежать огласки мелких семейных неприятностей. Однако принцесса проявила слабохарактерность и не нашла в себе сил применить столь уместную меру наказания к своей воспитаннице.

Она довольствовалась тем, что выгнала мать с дочерью вон из дому со всем позором, какой мог спастись на их головы со стороны слуг, лакеев и знакомых, – которые, конечно же, с самого начала знали, чем всё закончится.

Что касается молодого принца, он поступил именно так, как и обязан поступить хорошо воспитанный молодой человек, понимающий разницу между слезами графини – и слезами женщины низкого происхождения. Едва он взглянул на своё поведение глазами своей матери, как тут же повернулся к нему спиной и принёс плоды покаяния. Ему не пришло в голову признаться своей матери, что законный брак между ним и Изеллой действительно существует, а не является дерзкой выдумкой двух самонадеянных служанок.

Однако, будучи глубоко религиозен, он открыл своё сердце семейному исповеднику, и по его совету послал Эльси крупную сумму денег и доверил её с дочерью опеке Провидения. А ещё он распорядился воздвигнуть в семейной часовне новый алтарь Девы Марии, украшенный великолепными бриллиантами, и пообещал снабжать местный монастырь неограниченным количеством свечей. И если это всё не может возместить за ошибки молодости, – что ж, очень жаль. Подумав так, он натянул перчатки для верховой езды и отправился на охоту с друзьями, как и полагалось благородному молодому человеку.

Между тем Эльси со своей брошенной и опозоренной дочерью нашли временное пристанище в горной деревушке, где бедная певчая птичка с оборванными крылышками вскоре испустила дух.

Когда прекрасная Изелла была похоронена, в руках у Эльси остался крошечный плачущий свёрток, и лишь ради него, ожесточённая и озлобленная на весь мир немолодая уже женщина решила ещё раз попытать счастья, – в другом месте, под другим небом.

Забрав младенца, она отправилась подальше от своей родины и приложила все усилия для того, чтобы судьба ребёнка сложилась более удачно, чем его несчастной матери.

По характеру Эльси была упряма. Собрав всю свою энергию, она вступила в схватку с жизнью. Ребёнок *должен быть* счастлив; подводные рифы, на которые напоролась его мать, никогда не возникнут на его пути, – все они были отмечены у Эльси на карте. Любовь погубила Изеллу и стала причиной всех её бед, – а это значит, что Агнес никогда никого не полюбит, пока Эльси не передаст её под опеку надёжного, ею самую выбранного мужа.

Первым шагом на пути к безопасности был выбор имени ребёнка. Эльси назвала её в честь святой Агнес, таким образом доверив девочку её покровительству. Следующим, не менее важным шагом, было с раннего детства приучить девочку к полезному труду. Она никогда не выпускала её из виду, не позволяла ей заводить знакомых или друзей, разве что под её неусыпным наблюдением. Каждый вечер она сама укладывала её в постель, как маленького ребёнка; каждое утро сама будила; брала её с собой на каждое дело, которое делала сама. Справедливости ради следует сказать, что Эльси не обременяла девочку тяжёлой работой, стремясь лишь к тому, чтобы ребёнок был занят и не увлекался фантазиями.

Причина, по которой Эльси выбрала для жительства именно Сорренто, а не одну из прелестных плодородных деревень поблизости, заключалась в том, что в этом городе находился женский монастырь в честь святой Агнес – безопасное место для ребёнка. Помня об этом, Эльси сняла в аренду домик на скале, который мы уже описали, и, не теряя времени, постаралась расположить к себе сестринство. Она никогда не приходила в гости с пустыми руками: самые спелые апельсины, самая белая пряжа и лучшие овощи с огорода приносились в дар монастырю, чьё расположение она стремилась снискать.

С раннего детства бабушка водила маленькую Агнес в монастырь. При виде её невинного благоговейного личика, окружённого ореолом лёгких кудрей, монашки испытывали необычное умиление и удовольствие, – чувства, столь непривычные для них, что они почти готовы были в них каяться. Они обожали стук её маленьких ножек по сырым каменным ступеням церкви, и её тонкий нежный голосок, который задавал странные детские вопросы, одним метким замечанием разбивая вдребезги все неразрешимые дилеммы философии и теологии.

Больше всех к ребёнку привязалась мать настоятельница, сестра Тереза, высокая, худая, бескровная женщина с печальными глазами, которая выглядела так, как будто была высечена из ледников массива Монте-Роза. Однако девочка нашла в её сердце свободный уголок и заполнила его, как альпийская фиалка, который расцветает посреди сугроба.

Сестра Тереза предложила присмотреть за ребёнком в любое время, когда бабушке это понадобится; таким образом в первые годы своей жизни Агнес проводила целые дни в монастыре. Её пребывание обрастало легендами, которые любили повторять друг другу монашки.

Старая Джокунда, привратница, неизменно вызывала всеобщий восторг историей о том, как маленькая Агнес застряла, вскарабкавшись на высокую табуретку, чтобы по старому христианскому обычаю обмочить пальчики в святой воде.

– Это ясно указывает на признаки возрождения у ребёнка, – назидательно заканчивала свой рассказ старая Джокунда. – Она перестала плакать, едва я взяла её на руки, и осенила себя крестным знаменем так же осознанно, как любая из нас. Разве это не признак того, что девочка – наследница благодати?

И в самом деле, в ребёнке проявлялись все признаки зарождающейся святости. Она никогда не устраивала шумных забав, как другие дети, но проводила часы, строя маленькие алтари или часовни, которые украшала цветами. Её сны были источником восхищения и назидания

для сестёр, потому что видела она в них всегда святых или ангелов; слушая их, сёстры набожно крестились, а мать настоятельница говорила: *Ex oribus parvulorum* («из уст младенцев...»).

Всегда ласковая, смиренная и послушная, она нередко шла спать, прижимая к груди круцификс. Не удивительно, что мать настоятельница считала её особенной, с рождения призванной стать невестой Того, кто прекраснее сынов человеческих.

Девочка росла и знакомилась с церковным творчеством, которым не уставали делиться с ней добрые сёстры. Нередко по вечерам она сидела, с широко открытыми глазами слушая предание о святой Агнес: как она родилась в знатной семье и жила в доме своего отца, и была так же красива, как добра и скромна; как к ней посватался сын языческого префекта, но она ответила ему: «Отойди от меня, искуситель! Ибо я помолвлена с Тем, кто выше и прекраснее каждого земного жениха, так что само солнце завидует Его красоте, а ангелы небесные служат Ему»; как она кротко сносила все преследования и угрозы, и даже смерть ради этой неземной любви; и как после смерти явилась своим друзьям в блистательном видении, вся в белом, в сопровождении неземного агнца, и велела им не плакать о себе, потому что она правит в небесах вместе с Тем, которого предпочла на земле.

А ещё была легенда о прекрасной Сесилии, которая так чудесно пела, что ангелы похитили её и унесли в свой небесный хор; история о святой королева Катерине, которая прошла через небесные врата и увидела ангелов в венцах из роз и лилий, и Деву на троне, которая вручила ей обручальное кольцо Вечного Царя.

Воспитанная на этих преданиях чувствительная девочка с живым воображением не могла не вырасти восприимчивой ко всему духовному. К сожалению, влияние такого воспитания на характер девочки оказалось ещё сильнее, чем рассчитывала её бабушка. Ведь, хоть и считая себя хорошей христианкой, Эльси не имела ни малейшего желания видеть свою внучку монашкой. Напротив, она работала день и ночь, собирая для Агнес приданное, и уже заметила себе порядочного кузнеца средних лет, который в своё время станет надёжным мужем и хранителем её сокровища. Устроив таким образом внучку, она намеревалась поселиться вместе с ней и растить поколение крепких мальчишек и девчонок, которые родятся в семье.

До сих пор Эльси не нашла в себе смелости посвятить девочку в свои планы. Хотя решение давно было принято, она всё время откладывала разговор на потом. Слишком уж обидно было отдавать кому-то ребёнка, которому она посвятила столько лет жизни.

Антонио, – кузнец, которому суждена была честь стать мужем Агнес, – был одним из тех широкоплечих рослых парней с большими и круглыми, как у быка, чёрными глазами, каких нередко можно встретить в окрестностях Сорренто. Человек крепкий и здоровый, он обладал добрым характером и простым умом. Целыми днями он усердно трудился в своей кузнице и, если бы дама Эльси по своей собственной воле не избрала бы его на роль мужа своей внучки, он никогда сам бы до этого не додумался. Однако, взглянув на девушку, он согласился с тем, что она красива; еще более действенное впечатление на него произвела информация о размере приданного. Сложив одно с другим, он почувствовал к девушке расположение и теперь спокойно ожидал момента, когда ему позволят к ней посвататься.

Глава 5. Падре Франческо

На следующее утро Эльси проснулась, как обычно, очень рано, когда занимался рассвет, и тонкая розовая полоска окрасила горизонт. Курица, которая увидела кружащего над её выводком ястреба, не могла бы быть в состоянии большего возбуждения, чем она сегодня.

– Духи в ущелье, говоришь? – шептала она себе под носом, энергично натягивая платье. – Ещё какие! Духи в человеческом теле! А потом начнётся: верёвочные лестницы, побег, и только Господу известно, что ещё. Я пойду на исповедь прямо сейчас, и расскажу отцу Франческо об опасности; сама пойду продавать апельсины, а её отправлю на денёк к сёстрам с корзиной фруктов. Да и кольцо пора отнести.

– Эх, ты! – добавила она, помолчав, и обращаясь к грубо нарисованной иконе святой Агнес, приклеенной к стене. – Ты выглядишь очень кроткой и, без сомнения, совершила великий подвиг, выбрав мученическую смерть. Но пожила бы ты с моё, вышла замуж и родила детей, и тогда узнала бы о жизни побольше. Ты только не обижайся на бедную старуху, которая привыкла прямо говорить своё мнение. Я невежественна, поэтому молись за нас, дорогая! – и с этими словами Эльси почтительно поклонилась картине, перекрестилась и ушла, оставив свою подопечную спать.

Было всё ещё темно, когда она уже стояла на коленях перед решёткой исповедальни в церкви Сорренто. Внутри кабинки сидел человек, который сыграет свою роль в нашей истории, поэтому мы обязаны представить его читателю.

Падре Франческо прибыл в Сорренто лишь год назад, назначенный на должность аббата в местный монастырь капуцинов. Эта должность подразумевала также духовную заботу обо всём приходе, и он с большим рвением принялся за работу. Со своей стороны, приход обнаружил в нём совершенно другого человека, чем толстый и весёлый брат Джироламо, место которого он занял. Вышеупомянутый брат был одним из многих провинциальных священников, чей интеллект ни в чём не превосходит остальных крестьян. Добродушный и весёлый, он любил хорошо поесть и выпить, послушать что-нибудь новенькое и поделиться сплетнями; он знал, как разделять радости и скорби простого народа и пользовался всеобщей любовью, не требуя от людей непосильных духовных подвигов.

Достаточно было одного взгляда на отца Франческо, чтобы увидеть в нём полную противоположность брату Джироламо. Внешность и манеры выдавали в нём благородное происхождение, и даже монашеский наряд не мог этого утаить. Его личность, его прошлое, его титул и состояние – всё это было похоронено за стенами монастыря, в могиле забвения, через которую обязан пройти каждый, принимающий новое имя из списка святых. Отныне он не знает мира, и мир не знает его.

Представьте себе человека лет тридцати – сорока, с правильным, хорошо развитым черепом и теми утонченными чертами лица, какие встречаются как на древнеримских бюстах и монетах, так и на улицах современного Рима. Впалые щёки; большие, тёмные меланхолические глаза. Их беспокойное задумчивое выражение выдаёт суровость духа, который, хотя и покоится в могиле, но так и не нашёл покоя. Длинные, тонкие ладони истощены и бескровны; они нервно сжимают эбонитовые чётки и серебряный крестик – единственные предметы роскоши, которые украшают ветхую монашескую робу.

Портрет этого человека, если бы он был нарисован и выставлен в одной из галерей, несомненно, привлёк бы внимание любого думающего человека и внушил бы уверенность, что за этой меланхолической фигурой скрывается история бурной жизни, какими богата средневековая Италия.

Он слушал исповедь Эльси с естественным превосходством светского человека, который разбирается в жизни, но и с глубоким вниманием, которое выдавало в нём какой-то личный

интерес к излагаемому делу. То и дело он беспокойно двигался в своём кресле и прерывал рассказчицу вопросами о подробностях. Его отрывистый резкий голос эхом разносился по тёмной пустой церкви и казался почти загробным.

Когда исповедь была закончена, он вышел из кабины и сказал Эльси на прощание:

– Дочь моя, ты хорошо сделала, что пришла. Орудия сатаны в наши грешные времена искусны и разнообразны, и блюстителям овец Господних не следует спать. Вскорости я призову и испытаю ребёнка, а до того времени я одобряю путь, который ты избрала для неё.

Непривычно было видеть, с каким страхом и благоговением стояла перед этим человеком Эльси, всегда такая бойкая и уверенная в себе. Падре Франческо внушал её почтение скорее своим светским, чем духовным превосходством.

Она давно уже покинула церковь, а капуцин по-прежнему стоял, глубоко задумавшись. Чтобы понять его размышления, нам придётся приоткрыть завесу тайны над его историей.

Внешность и манеры отца Франческо не обманывали: он действительно происходил из очень известного дома Флоренции. Его характер древние авторы определили бы словом «страстный». Казалось, он был обречён на вечные поиски покоя, которого ему не суждено было найти. Ни в чём не зная меры, он рано познал славу, войну и влечение, ошибочно называемое любовью; без удержу потакал своим бесчисленным прихотям и превзошёл в этом даже своих товарищей.

Но в это время волна религиозного чувства – в наше время её назвали бы пробуждением – прокатилась по Флоренции, и в числе других он тоже оказался подхвачен ею. Вместе с толпами итальянцев, он стал одним из слушателей пылкого доминиканского монаха, Джероламо Савонаролы; и там, среди толпы, которая дрожала, плакала и била себя в грудь, тоже почувствовал небесный призыв.

Старая жизнь умерла, зародилась новая.

Современные сдержанность и благоразумие не позволяют даже представить себя всей мощи религиозного пробуждения среди людей столь горячих и падких на впечатления, как итальянцы. Огонь духовного подъёма как ураган нёсся по стране, сметая всё на своём пути. В пылу раскаяния люди опустошали собственные дома, избавляясь от развратных картин, языческих книг, сомнительных скульптур и множества других источников искушения, и сжигали их на городских площадях. Художники, обвиняемые в творении неприличных произведений, бросали в костёр свои кисти и палитры и уходили в монастыри, откуда начинался их путь к возвышенному религиозному искусству. Подобного массового обращения не было в Италии со времён Франциска Ассизского.

В наши дни обращение человека влечёт за собою скорее внутренние изменения, чем внешние; но жизнь людей в Средневековье по сути своей была глубоко символична и всегда требовала внешних доказательств.

Беспутный молодой Лоренцо Сфорца покинул этот мир тоже глубоко символично. Он составил завещание и распорядился всем своим земным имуществом, а затем, собрав друзей, попрощался с ними, как прощаются умирающие. Братья из ордена Милосердия, одетые в траурные рясы, облачили его в саван и положили его в гроб, а затем вынесли из роскошного имения с зажженными свечами, под звуки заунывных песен. Гроб внесли в семейный склеп Сфорца и оставили: «покойнику» предстояло провести там – в полной темноте и одиночестве – всю ночь.

На следующее утро его, почти лишившегося чувств, перенесли в соседний монастырь. Соблюдая суровые правила ордена, несколько последующих недель он провёл в уединении и молитве, полностью изолированный от всех людей, кроме своего наставника.

Трудно даже представить, какой отпечаток вся эта процедура оставила на бурном и чувствительном темпераменте молодого человека; точно известно одно: в процессе подготовительного этапа некто под именем Лоренцо Сфорца исчез; миру явился утомлённый и исто-

щённый отец Франческо. Лицо этого нового монаха было испещрено морщинами, глаза впали, как у человека, который познал тайну загробного мира. Достигнув священнического сана, он добровольно вызвался принять служение, находившееся как можно дальше от родных мест, чтобы даже в этом разорвать связь с прошлым; а затем посвятил всю свою энергию пробуждению ленивых монахов своего ордена и невежественных крестьян.

Немного времени ему потребовалось, чтобы понять, – как понимает каждая ревностная душа, получившая божественное озарение, – что ни один смертный не в силах вдохнуть веры и собственных убеждений в другого человека. С горьким разочарованием и досадой он начал понимать, что будет бесконечно толкать в гору тяжёлый камень безразличия, ограниченности и животного чревоугодничества, которые его окружали; что на нём тяготеет проклятие Кассандры, обречённого вечно томиться и страдать от осознания ужасной правды, которая никого, кроме него, не интересует. Окружённый в своей прошлой жизни лишь образованными умами, теперь он не мог не испытывать невыносимой скуки, слушая исповеди людей, неспособных думать; людей, которых даже самые горячие увещания не могли отвлечь от примитивных интересов физического существования.

Он устал от детских свар и раздоров монахов, от их ребячества, эгоизма и себялюбия, от безнадёжной пошлости их ума; был совершенно обескуражен их умением лгать и выкручиваться. Он всё сильнее погружался в уныние и безысходность, и всё суровее ограничивал свои физические потребности, надеясь, что страдания сократят его жизнь.

Но в первый же раз, когда из-за решетки исповедальни до его ушей долетел нежный голос Агнес и слова, полные неосознанной поэзии и гения, ему почудилось, что он услышал прекрасную музыку. Давно забытая дрожь пронзила его сердце; как будто невидимый ангел одним движением смахнул пыль с его ума и снял бремя с сердца.

Во время своей светской молодости он знал женщин, и не одна чаровница вызывала в его сердце огонь, который сжигает человека изнутри и оставляет после себя лишь груды пепла. Естественно, что придя в монастырь, он оградил себя от женщин обетом безбрачия, как надёжной бронёй. Пропасть, отделявшая его от них, была глубока, как сам ад; он думал о женщинах лишь как об источнике искушения и опасности.

Но впервые в жизни женский ум дохнул на него чистотой и свежестью. Его влияние было так велико, так божественно и покойно, что он поддался ему раньше, чем успел поставить его под сомнение. Точно так же человек, находящийся в душной комнате, с облегчением вдыхает свежий воздух, едва открывают окно.

Как сладостно было обнаружить ум, который готов был принимать его наставления и советы! Более того: зачастую ему казалось, что сухие и безжизненные догматы, которыми он наставлял её, она возвращала ему живыми и полными мудрости, как жезл Иосифа, который расцвел прекрасными цветами, когда тот обручился с чистой девой. А вместе с тем, она была так скромна, так невинна, так несведуща красоты, которая скрывалась в каждом её слове и мысли! Порой ему казалось, что она – не человек, а одно из небесных существ, принявшее женский облик, как в жизнеописаниях святых.

С того дня и его опустошённая, унылая жизнь стала расцветать чудными цветами – и он не распознал угрозы, ибо цветы были небесными. Святые мысли и откровения, – весь жемчуг, растоптанный грязными ногами монахов, он снова подобрал в надежде: *она поймёт*. И постепенно все его мысли, как почтовые голуби, узнавшие родную голубятню, стали стремиться лишь в одном направлении.

Такова удивительная сила человеческой привязанности: встретив хотя бы одну единственную родственную душу, способную понять наш внутренний мир, мы изменяемся, как по волшебству. Каждая наша мысль, чувство и желание приобретает новую ценность от осознания того, что будет оценено и кем-то другим. И пока жив тот второй, наше собственное существование удваивается, хотя бы нас разделяли океаны. Нависшее над отцом Франческо

облако меланхолии рассеялось, и он сам не заметил, как это произошло. Его наполняла скрытая радость и бодрость; его молитвы стали горячее, хвала – искреннее и чаще.

До сих пор он обычно размышлял о страхе и гневe, о пожирающем огне, о страшной участи грешников, о ужасном величии Господа. О том же были все его проповеди, которыми он пытался разбудить монахов от духовного сна. Увы! Чем больше он сгущал краски, чем страшнее описывал всю безнадёжность погибших душ и вечное пламя ада, тем с более жадным интересом они его слушали. Сожжения на кострах, пытки и истязания в те времена были повсеместны в европейской судебной практике, и оказывали губительное влияние на невежественные умы простого народа. Так и картины, которые рисовал перед своими монахами ревностный аббат, лишь разжигали их жестокость и злорадство. В то время как одни испытывали животное наслаждение от описания ужасов преисподней, другие – робкие и пугливые – увядали, как цветы, обжигаемые жарким дыханием печи.

Знакомство с Агнес – без его ведома – наполнило его душу божественной любовью; она снизошла, как золотистое облако, которое покрывало ковчег в Скинии собрания. Он стал мягче и добрее, снисходительнее к заблуждающимся, ласковее к детям. Ему случалось останавливаться, чтобы погладить по голове уличного мальчишку, или поднять малыша, барахтавшегося на песке. Он начал слышать пение птиц, и оно показалось ему полным нежности. Его молитвы у постели больных и умирающих приобрели умиротворяющую силу, которой он раньше за собой не замечал... В его душе наступала весна – нежная итальянская весна, которая раскрывает бутоны цикламенов и разносит легчайший аромат первоцветов в отдалённые уголки Апеннин.

Так прошёл год – вероятно, самый лучший и счастливый год в его беспокойной жизни. Год, в течение которого еженедельные исповеди Агнес стали средоточием, вокруг которого кружилась его жизнь.

Он говорил себе, что его долг – уделять дополнительное время, чтобы оттачивать и полировать изумительный бриллиант, который неожиданно был доверен ему, пока он не станет совершенным украшением короны Господней. И если в этом лежит его прямая обязанность, почему он должен от неё уклоняться?

Он никогда не коснулся её руки, ни складок платья, когда оно соприкасалось с его монашеской рясой. Никогда, даже совершая благословение, он не позволил себе возложить руки на её прекрасную голову. Правда, изредка он не мог удержаться, чтобы не взглянуть, как она входит в церковь и, опустив глаза, скользит вдоль рядов, так кротко и бесшумно, что он задерживал дыхание, пока она не проходила мимо.

Он не ожидал, что вести, которые сообщила ему на утренней исповеди дама Эльси, так глубоко потрясут всё его существо. И это испугало его самого.

Вполне объясним был страх за Агнес, которая подверглась преследованию какого-то беспутного юнца: по собственному опыту он знал, как небезопасны могут быть для девушки намерения необузданного мужчины. Но Эльси раскрыла перед ним и свои собственные планы: поскорее отдать внучку замуж, и советовалась с ним по поводу того, не следует ли уже теперь передать её под защиту мужа. Именно эта новость вызвала у отца Франческо внутренний протест, возмущение, негодование – одним словом, целую бурю чувств, которые он напрасно пытался в себе подавить или понять.

Закончив свои утренние обязанности, он вернулся в монастырь, зашёл в свою келью, и простёршись навзничь перед крестом, начал разбираться в себе. Весь этот день прошёл в посте и одиночестве.

Наступил тёплый вечер. На плоской крыше монастыря, откуда открывается вид на залив, можно разглядеть тёмную фигуру, которая медленно ходит туда-сюда. Это отец Франческо. По его блестящим глазам и расширенным зрачкам, по красным пятнам на щеках и нервным движениям можно заметить, что он находится в состоянии крайнего напряжения. Его нервы

на пределе до такой степени, что ему кажется, будто он совершенно спокоен и полностью владеет собой.

Как! Неужели все его старания и самоотречение были напрасны? Неужели он полюбил эту девушку обычной земной любовью? Неужели он испытывает ревность при мысли о её будущем муже? Что за демон-искуситель шепчет сейчас ему на ухо: «Лоренцо Сфорца мог бы защитить это сокровище от незаконного преследования и от брака с тупым крестьянином, а отец Франческо – не может?». Сладостная дрожь пронзила его от мысли, каким мог бы быть их брак. Разве он не стал бы правдивым таинством, в котором две чистые верные души поддерживают и ободряют друг друга во всех набожных предприятиях и добрых начинаниях? Он содрогнулся от ужаса, что этой мыслью – возможно! – нарушил свои обеты, страшные обеты, данные под угрозой проклятия...

Так он продолжал ходить взад и вперёд до самых сумерек, и медленно приходил в себя. Часы молитвы и борьбы сделали своё дело; да, он достиг очищения, одержал победу над злом. Золотой закат отразился в море, проложив сверкающую дорожку до самых берегов Капри. Небо засияло, воздух стал прохладным и прозрачным. Да, он снова способен видеть ясно. Он избавлен от своих духовных врагов и попирает их ногами.

– Да, говорит он себе, он любит Агнес; любит её святой и возвышенной любовью, как её ангел-хранитель, который всегда видит лицо её Отца небесного. – Почему же, в таком случае, он восстановлен против её брака с Антонио? – Как, разве ответ не очевиден? Что общего у этой нежной души, этой поэтической натуры, этого зарождающегося гения – с вульгарностью и невежеством крестьянской жизни? Разве её красота не будет вечным соблазном для распущенных людей, а её невинная простота не спровоцирует безрассудной ревности мужа? Что, если он поднимет на неё руку, как не стесняются поступать неотёсанные мужики в порыве ревности? Какой путь развития современное общество может предложить девушке, столь бессмысленно – и опасно – наделённой многими талантами? Но он знает ответ на этот вопрос. Лишь Церковь открывает возможности перед женщиной, которых не даёт ей свет.

Он вспомнил предание о святой Екатерине, дочери красильщика из Сиены. В детстве он нередко бывал в монастыре, где один из лучших итальянских художников увековечил её труды и победы; вместе со своей матерью он преклонял колени перед её алтарём. Предание гласило, что святая, благодаря своей скромности и божественному вдохновению, достигла известности даже при дворе благодаря своей активной деятельности в поддержку Церкви. Перед его глазами возникла прекрасная картина кисти Пинтуриккио, которая изображает канонизацию Екатерины в присутствии всех епископов, прелатов и других сановников Церкви.

Пусть он отделён от женской половины человечества непреодолимой преградой своих обетов, – разве это препятствует ему оберегать и хранить эту одарённую деву? Пусть он не имеет права мечтать о ней, – разве это может помешать ему противиться её браку с другим человеком и направлять её к обручению в самом Небом? Она будет переходить от славы в славу, и именно *его* рука будет вести её этим путём. Это он проведёт её в священные ворота, и его голос произнесёт торжественные и страшные слова, делающие её недоступной ни для одного мужчины на земле. Сам же он навсегда останется её попечителем и духовным наставником: единственным человеком на земле, которому она должна подчиняться как самому Христу.

Если в его рассуждениях и был скрытый подвох, если он и обманывал себя этими набожными уловками, то сам не подозревал об этом. Он был уверен в своей искренности и праздновал победу над тяжёлым искушением.

Таковы были благие мысли и намерения отца Франческо, но – увы! – им суждено было поблекнуть так же, как поблекло закатное небо, на которое он смотрел в тот вечер. Золотое сияние на горизонте медленно угасло; на смену ему пришло мертвенное свечение огней Везувия.

Глава 6. Прогулка в монастырь

Солнце всходило, когда Эльси вернулась с исповеди, очень довольная и успокоенная. Отец Франческо проявил столько интереса к её рассказу, что она почувствовала себя польщённой. Во-вторых, он дал ей совет, который полностью соответствовал её собственным желаниям, а именно такой совет всегда принимается наиболее охотно.

Отец Франческо посоветовал не торопиться с замужеством Агнес. Это было как нельзя больше по душе старой Эльси, которая, с того самого дня, как договорилась с Антонио, стала испытывать к нему скрытую ревность и неприязнь, как будто это он вознамерился украсть у неё внучку. Временами это чувство так усиливалось, что она едва могла его скрыть и относилась к кузнецу грубо и сердито. В ответ Антонио только шире раскрывал свои большие непонимающие глаза и качал головой, удивляясь женскому непостоянству; это не мешало ему дальше спокойно ждать своего подарка судьбы.

Утренние лучи позолотили апельсиновый сад, когда Эльси вернулась домой и застала Агнес за молитвой.

– Моя девочка, – сказала она после завтрака, – я собираюсь устроить тебе сегодня выходной. Я провожу тебя в монастырь, чтобы ты могла провести денёк с сёстрами, а святой Агнес передать её кольцо.

– О, бабушка, спасибо! Как ты добра! Ты позволишь мне по дороге набрать цикламенов, мирта и ромашек для алтаря?

– Если хочешь, дитя. Но в таком случае нам надо поторопиться, чтобы я успела ко времени к городским воротам: сегодня я всё утро срывала апельсины на продажу.

– Ты всегда всё сама делаешь, бабушка, и не позволяешь тебе помочь, это нечестно! Но, бабушка, если мы идём за цветами, давай выберем дорогу вниз, в ущелье; пересечём ручей, выйдем на побережье и пройдемся по песку, а потом по скальной тропинке как раз выйдем с обратной стороны монастыря: там всегда так тенисто и красиво по утрам, а от моря дует свежий ветер!

– Ладно, дорогая. Пошли-ка, для начала выберем самые лучшие апельсины для сестёр.

– С этим я справлюсь, – весело воскликнула Агнес. Скоро она появилась во дворе с плетёной корзинкой, которую стала украшать листьями и цветами апельсинов.

– А сейчас я положу сюда наши лучшие кровавые апельсины, – продолжала она. – Старая Джокунда говорит, что они напоминают ей гранаты. А наверх – несколько мелких. Смотри, бабушка! – позвала она, показывая веточку с пятью небольшими золотыми шариками, окружёнными россыпью бутонов.

Её загорелые щёки покраснели, глаза расширились от радости и предвкушения прогулки. С веточкой апельсинов в руках и мелких лучах солнца, просвечивавших сквозь кроны деревьев, она казалась мечтой художника, а не реальностью.

Бабушка остановилась, любуясь ею.

– Она слишком хороша и слишком добра для Антонио, да и для любого другого мужчины, – сказала она сама себе. – Если б я могла, я навсегда оставила бы её при себе; но придёт смерть, красота и молодость увянут, и кому-то придётся о ней позаботиться.

Наконец, корзинка была готова, и Агнес повесила её себе на руку; бабушка водрузила на голову большую квадратную корзину с апельсинами на продажу, в руки взяла прялку, и стала спускаться по узкой скалистой тропинке вниз, держа голову и плечи так ровно, как будто прогуливалась налегке.

Агнес бежала за ней с лёгкостью горного козлёнка, разглядываясь по сторонам в поисках красивых цветов. Скоро её руки были полны, и она начала собирать цветы в свой разноцветный шерстяной передник. Песенка, посвященная святой Агнес, которую она всё время напевала

себе под нос, раздавалась то из-за скалы, то из густых зарослей кусов, выдавая её присутствие. Если перевести эту песенку на английский, в ней не осталось бы смысла, лишь мелодичное повторение милых словечек, среди которых чаще всего звучало весёлое *bella, bella, bella*, в такт лёгкому шелесту папоротника и веток плюща на ветру. Идея песенки была по-детски проста: «Прекрасная Агнес, – говорилось в ней, – я хочу быть белой и невинной, как твоя овечка. Прекрасная Агнес, веди меня на зелёные пастбища. Ты прекраснее розы, красивее лилии, заведи меня к себе!»

На дне ущелья, в прохладной тени журчал маленький ручей, с плеском разбиваясь о камни. Солнце почти не проникало сюда. Над водой повисла арка небольшого каменного моста, казавшегося намного шире скромных размеров ручья; весной и осенью, когда с гор сходили бурные потоки талого снега, весёлый ручей превращался в полноводную реку.

Мост, весь покрытый бархатом зелёного мха, пучками травы и кустиками папоротника, был прелестен. Эльси на мгновение остановилась на нём, окликнув Агнес, которая снова исчезла в одном из глубоких гротов, которыми испещрены все стены ущелья.

– Агнес! Агнес! Что за дикая девчонка! Вернись немедленно!

В ответ ей издали донеслось лишь «*Bella, bella Agnella*»; но голос звучал так жизне-радостно и невинно, что Эльси не могла сдержать улыбку. Через секунду Агнес появилась, неся целую охапку ползучего плауна, который нигде так хорошо не разрастается, как в сырых и влажных местах. Из-под него выглядывали гирлянды плюща, желтые цветы рабитника, красные гладиолусы; в руках она гордо сжимала букетик прекрасных цикламенов – ещё одних любителей влажных пещер.

– Смотри, бабушка, какие у меня дары! Святая Агнес будет очень довольна мной сегодня. Я уверена, что в глубине сердца она любит цветы больше, чем драгоценные камни.

– Ладно, ладно тебе, непоседа. Время бежит, нам пора поторопиться.

Они пересекли мост и вступили на замшелую тропинку, которая скоро вывела их на широкий песчаный берег Средиземного моря. Окутанная утренним туманом, поверхность воды поблескивала мириадами огней. Вдалеке показались старый Капри в голубой дымке и Везувий, украшенный белыми облачками. На небольшом расстоянии от берега загорелые рыбаки только что вытянули из моря сети, из которых выбрасывали отливающие серебром сардины. Дул свежий ветер.

Агнес со своей корзинкой и передником, полным цветов, помчалась вдоль берега, радостно вскрикивая каждый раз, когда по дороге ей попадались красивые ракушки или камушки. Старая Эльси едва поспевала за ней, добродушно покрикивая:

– Совсем с ума сошла! Агнес, ты и так уже тащишь на себе половину ущелья! Не забегай далеко, нам пора в монастырь!

Ещё через полчаса они добрались до крутой лестницы, зигзагом извивающейся в скале, и, не останавливаясь больше полюбоваться на море, добрались до старого тенистого сада, принадлежащего монастырю св. Агнес.

Этот монастырь был одним из памятников, которые христианство в своё время воздвигло в знак победы над язычеством.

Мягкий климат и райские виды Сорренто и прилегающих окрестностей сделали эти Неаполитанский залив излюбленным местом отдыха времён поздней Римской империи, когда цивилизованный мир начал погрязать в праздности и удовольствиях. Берега Байи были свидетелями оргий и жестокости Нерона и его свиты; потрясающая красота Капри приютила жестокого Тиберия. Вся Северная Италия казалась безнадежно прогнившей и, возможно, погибла бы, если бы горсть соли, брошенная на плодородную почву галилейским крестьянином.

В Средние века итальянцы ревностно строили памятники новой эре, заменяя языческие произведения искусства христианскими символами чистоты, святости и благоволения, которое рождение Иисуса принесло в мир.

Примерно в середине тринадцатого века одна неаполитанская принцесса взялась за возведение монастыря св. Агнес, покровительницы женской невинности. Местом строительства были избраны развалины древнего храма Венеры на краю выступающей скалы. Говорят, что сама принцесса стала первой матерью настоятельницей монастыря. Как бы там ни было, монастырь стал прибежищем для многих благородных и набожных женщин, которых злая судьба заставила скрываться от мира.

Монастырь, как большинство других, построен на квадратном плане; изнутри расположен внутренний двор, снаружи здание окружено садом.

Зайдя внутрь через величественные ворота, Агнес с бабушкой услышали знакомое пение фонтана, напоминающее звуки тёплого летнего дождя. Вокруг пышно цвели розы и жасмин; в воздухе был разлит их аромат.

Двери им открыла странного вида привратница. Ей было лет семьдесят пять – восемьдесят; её худые щёки были обтянуты пожелтевшей морщинистой кожей; большие чёрные глаза казались ненатуральными и дикими; зубы давно выпали, так что ничто теперь не препятствовало сближению крючковатого носа с подбородком. Мало того: она была вся так согбена и искривлена, что лишь широкая сердечная улыбка позволяла не спутать её с фракийской ведьмой. Это и была добрая старая Джокунда, достопочтенная привратница монастыря.

Несмотря на отталкивающий вид старухи, Агнес бросилась ей на шею и пылко поцеловала в сухую щеку. Джокунда в ответ осыпала её ласковыми словами, которые в итальянском языке слетают языка с такой же лёгкостью и щедростью, с какой ветер срывает лепестки с цветущих деревьев.

– Так-так, – сказала Эльси, – я собираюсь оставить её вам на денёк. Надеюсь, возражений нет?

– Какие могут быть возражения! Милая овечка может чувствовать себя здесь как дома. Я уверена, что святая Агнес уже удочерила её: я сама видела её улыбку, когда девочка принесла ей цветы.

– Что ж, Агнес, – сказала бабушка, – я приду за тобой после Аве Мария. – С этими словами она снова подняла свою тяжёлую корзину и ушла.

Монастырский сад был одним из самых уютных мест, какое только может создать поэтическое воображение.

Византийские арки окружали его со всех сторон. По причудливой старой традиции, они были окрашены золотом, киноварью и лазурью. Своды были расписаны золотыми звёздами по голубому фону, а стены – фресками, представляющими картины из жизни святой Агнес. Основательница монастыря не испытывала недостатка в средствах, поэтому монастырь был богато украшен золотом, драгоценными камнями и картинами.

На первой картине было изображено роскошное поместье родителей Агнес, и на его фоне она сама – невинный задумчивый ребёнок с длинными золотистыми волосами, ниспадающими на простую белую тунику. Её маленькие ручки прижимают к груди крест. Рабы и служанки, опустившись перед ней на колени, предлагают ей украшения и дорогие наряды.

На следующей картине Агнес была написана идущей в школу. Здесь она встретила сына римского префекта, которой не только восхищался ею, но, как гласит предание, даже заболел от любви к ней.

Потом следовала сцена встречи с отцом молодого человека, который просил её руки для своего сына и пытался расположить сердце девушки богатыми дарами. Агнес равнодушно отвергла одно и другое.

Далее была картина обвинения Агнес перед судом в следовании христианству, суд над ней и разные сцены её мученичества.

Хотя манера живописи тринадцатого века изображала людей непривычно скованными, общее впечатление от картин оставалось торжественное и светлое, впечатляющее своей поэтичностью.

В центре сада находился белый мраморный фонтан, очевидно, являвшийся некогда элементом языческого храма. На замшелом пьедестале в самом его центре сидела греческая нимфа, столь грациозная, чувственная, столь земная и лишённая духовных устремлений, что казалась разительным контрастом по сравнению с фресками. Вместе с тем она была так прекрасна, что, по обычаю тех времён, её решили оставить, очистив от языческого происхождения крещением в освящённых водах фонтана. Нимфу нарекли именем святой попечительницы монастыря, и для простодушных сестёр, не разбиравшихся в тонкостях искусства, она являлась святой Агнес, которая доставляет монастырю святую воду невинности.

Вокруг фонтана разрослись белые и голубые фиалки. Их пышный рост сёстрами тоже приписывался благодатному влиянию святой Агнес.

Пытаясь понять монастырскую жизнь тех времён, не следует забывать, что книги были ещё почти неизвестны, кроме редких экземпляров; чтение и письмо были уделом высших классов. Италия, которая со времён падения Римской империи разбилась на тысячи осколков, была подвержена беспрестанным гражданским войнам и беспокойствам, а жизни людей были в постоянной опасности. Норманны, датчане, сицилийцы, испанцы, французы и немцы периодически наводняли итальянский полуостров; в каждом военном столкновении опустошались города, горели деревни, а их население обрекалось на нищету. И только религиозные здания пользовались славой безопасных убежищ, единственным пристанищем для самых слабых и обречённых.

Если судьба женщины не всегда складывается даже в наши просвещённые времена, то какова должна была быть её роль и трудности во времена намного более грубые, если только церковь не приютит её в своих стенах, сделав недоступной для внешнего мира?

Чем же они занимались в монастыре, все эти женщины и девушки, располагая двадцатью четырьмя часами суток без книг и писем, без заботы о детях? Надо признать, что дел у них было предостаточно. Ежедневные молитвы и богослужения, пение и совершение обрядов, приготовление пищи и уборка, забота о церкви, святых дарах, убранстве и украшениях, вышивка алтарных скатертей и покрывал, заготовка приправ и розовых листьев, изготовление лекарств для больных... Добавьте к этому взаимную помощь сестёр друг другу, без которой невозможно существование в такой большой семье, женские беседы и безвредное воркование, и вы поймёте, что эти голубиные гнёздышки под крылом Церкви были одним из самых безопасных и спокойных убежищ для женщин в бурные времена.

Среди сестёр монастыря можно было встретить интереснейших персонажей. Здесь существовали женщины с аристократическим происхождением – и простые, необразованные крестьянки; опытные и властные – рядом с застенчивыми и простодушными. И хотя считалось, что все сёстры равны между собой, не станем представлять себе их общество как идеальную Утопию. И даже путь к святости здесь был ничем не мягче и не проще, чем в других местах на земле; тех, кто слишком ревностно пытался приблизиться к небу, опережая своих спутниц, считали вредными фанатиками, – до тех самых пор, пока они не забежали достаточно далеко вперёд, чтобы снискать себе репутацию святых.

Сестра Тереза, мать-настоятельница монастыря, была младшей дочерью в зажиточной неаполитанской семье. Её судьба была предрешена с самого детства: Тереза родилась, чтобы стать монашкой; благодаря этому её брат и сестра могли рассчитывать на обеспеченное будущее и положение в свете. Ребёнка отправили в монастырь раньше, чем у него сформировались

воспоминания о родительском доме, и когда пришло время на осознанное решение, Тереза без тени сомнения отреклась от мира, которого никогда не знала.

В наследство от старшего брата Тереза получила *Livre d'heures* – так называемую Книгу Часов, богато украшенную золотом, лазурью и другими цветами, которые были доступны в те времена; книга была произведением одного из учеников Фра Анджелико. Обладание таким сокровищем было для матери-настоятельницы намного значимее её благородного происхождения.

Из её уютной маленькой кельи открывался вид на море, Везувий и остров Капри с его причудливыми гротами. Яркий свет, падавший в келью с неба и моря, придавал красок скромной монастырской мебели. Нередко в солнечную погоду она сидела там, греясь в тёплых лучах, как ящерица на стене, и думала о тайне жизни. Что чувствуют люди там, во внешнем мире? О чём мечтают, за что борются, на что надеются и чего боятся? Она не имела никакого опыта жизни в мире, не сталкивалась с искушениями и страданиями, и не могла бы дать практический совет. Единственная известная ей жизнь была основана на преданиях о святых; она сама верила просто и набожно, управляя сестринством со спокойствием и достоинством. Но женщины, которые попадали к ней из реального мира, всегда оставались для неё загадкой.

Энергичный характер в каждом обществе найдёт себе соответствующее место. Так и старая Джокунда стала негласной хозяйкой в монастыре. По происхождению Джокунда была крестьянкой, чей муж участвовал в военных действиях своего сеньора; следуя за мужем, она жила в военных лагерях. Во время осады одной из крепостей её муж и четверо сыновей погибли, а сама Джокунда получила ранение, оставившее её навсегда скрюченной и горбатой. Оставшись совершенно одна на свете, она нашла в монастыре не только прибежище, но и применение всем своим талантам.

С позволения матери настоятельницы, она заключала все сделки, покупала провизию, – одним словом, была прекрасным посредником между робкой, рассеянной и беззащитной сестрой Терезой и внешним миром. Более того, её жизненный опыт и неиссякаемые способности рассказчицы делали её незаменимым источником времяпровождения в те промежутки времени, когда сёстрам не было чем заняться.

Сложите вместе все перечисленные качества, добавьте материнскую заботливость и здравый смысл, и вы получите идеальную предводительницу сестринства; даже сама мать Тереза неосознанно находилась под её руководством.

– Так-так, – сказала Джокунда, обращаясь к Агнес, когда за Эльси закрылись ворота, – ты никогда не приходишь с пустыми руками! Какие чудесные апельсины! Таких нигде не купишь, разве что у твоей бабушки.

– Да, а цветы я принесла для украшения алтаря.

– О да, святая Агнес наделила тебя особенным даром для этого, – сказала Джокунда.

– И ещё, я принесла в дар кольцо, – добавила Агнес, вынимая подарок молодого человека.

– Святая Мать! А вот это уже интересно! – воскликнула старуха, ловко схватив кольцо. – Агнес, да это же настоящий бриллиант, лучший из всех, какие я когда-либо видела. Как сверкает! – продолжала она, поднимая его. – Это королевский дар. Скажи мне, откуда он у тебя?

– Я расскажу об этом матушке, – ответила Агнес.

– Ты так считаешь? – посмотрела на неё Джокунда. – Расскажи-ка лучше мне: я намного лучше разбираюсь в этих вопросах.

– Дорогая Джокунда, потом я и тебе расскажу, но я люблю матушку Терезу, и хочу рассказать ей первой.

– Ну, как тебе угодно, – неохотно согласилась Джокунда. – Тогда оставь цветы в тени у фонтана, и пойдём к ней.

Глава 7. День в монастыре

Мать Тереза находилась в ризнице с уже упомянутыми голубыми в звёзды сводами и фресками из жизни святой Девы стенами. Над каждой из дверей здесь были прикреплены таблички с текстами из Священного Писания, расписанные причудливыми узорами и цветами. Сама мать-настоятельница с несколькими сёстрами были заняты вышиванием нового покрывала для алтаря; во время работы напевали старинный гимн на латинском языке.

Агнес остановилась перед дверями, прислушиваясь к пению.

– Подожди, дорогая Джокунда, – сказала она старухе, которая собиралась толкнуть дверь, пусть они закончат.

Джокунда даже в своей набожности была человеком практичным, и в ответ на слова Агнес нетерпеливо хмыкнула. Однако благоговейное выражение на лице девочки остановило её.

– Ну, если она не призвана стать святой, то я уж не знаю, кто тогда призван, – подумала она. – Я ей даже завидую.

Наконец, красивые жалобные голоса умолкли, и послышался разговор. Устремившись в комнату, Агнес почтительно поцеловала руку сестры Терезы.

Мы уже описывали внешность матери-настоятельницы: лунной особы, бледной, высокой и печальной. Казалось, ей не хватало именно тех признаков, по которым можно определить, что человек жив. Агнес была единственным человеком, который вызывал на лице матушки тёплые чувства; прижав к себе девочку, она наклонилась и почти по-матерински поцеловала её в лоб.

– Бабушка позволила мне провести с тобой этот день, дорогая мать, – сказала Агнес доверчиво.

– Добро пожаловать, дитя, – сказала мать Тереза. – Твой духовный дом всегда открыт для тебя.

– Сегодня у меня есть для тебя кое-что особенное, матушка, – сказала Агнес, сильно краснея от волнения.

– В самом деле, – сказала мать Тереза, испытывая лёгкое любопытство и движением головы попросила остальных монашек оставить их наедине.

– Матушка, – сказала Агнес, – вчера вечером, когда мы с бабушкой сидели у городских ворот в ожидании покупателей, к нам приблизился молодой человек. Он купил у меня апельсины, а потом поцеловал меня в лоб и попросил молиться за его душу. А это кольцо он попросил меня передать в дар святой Агнес.

– Поцеловал тебя в лоб! – воскликнула Джокунда, которая осталась с ними. – Хорошенькие дела! Это не похоже на тебя, Агнес, позволять себя целовать.

– Он сделал это так быстро, что я не успела опомниться, – сказала Агнес. – Бабушка упрекнула его за это, и тогда он, кажется, раскаялся в своём поступке, и попросил передать кольцо.

– А кольцо – просто прелесть, – сказала Джокунда. – Лучшего кольца нет у нас во всей монастырской сокровищнице. Даже огромный изумруд королевы не так хорош.

– И он попросил тебя молиться за него? – сказала мать Тереза.

– Да, дорогая матушка. Он посмотрел мне прямо в глаза и попросил, чтобы я дала ему обещание. А я знаю, что святые девы никогда не отказывали в молитвах тем, кто о них просил, поэтому я последовала их примеру.

– Даю слово, что он сказал это в насмешку, посчитав тебя маленькой глупышкой, – фыркнула Джокунда. – В наше время молодые люди не верят в молитвы.

– Возможно, так и есть, Джокунда, – задумчиво сказала Агнес, – но это лишь означает, что он тем более нуждается в моей молитве.

– Конечно, – согласилась мать Тереза. – Помнишь предание о благословенной святой Доротея, как один испорченный молодой человек насмеялся над ней, когда она шла на казнь, и говорил: «Доротея, я тоже уверю, если ты пришлешь мне из рая корзину с фруктами»; а она, исполненная веры, сказала ему: «Я пришлю её сегодня же»; и, ко всеобщему удивлению, в тот самый день, вечером, молодого человека посетил ангел с корзиной лимонов и роз, и сказал: «Веруй: это послание от Доротеи». Видишь, какое благодатное влияние набожная девушка может оказать на легкомысленного молодого человека? Ибо он раскаялся и стал героем веры.

– Всё это было в глубокой древности, – скептически отозвалась Джокунда. – Не верю я теперь в молитвы овец за волков. Скажи, малышка, а каков он был из себя?

– Прекрасный как ангел, – сказала Агнес, – только... нехорошее в нём что-то было: гордое и печальное, будто на сердце у него было беспокойно. Правда, я его очень пожалела. Его глаза мне запомнились, и я снова вижу их во время молитвы.

– Я присоединюсь к твоим молитвам, дорогое дитя, – сказала мать Тереза, – я так жду того дня, когда ты останешься с нами навсегда. Мы будем молиться вместе. Как ты думаешь, скоро ли твоя бабушка позволит тебе уйти к нам?

– Бабушка и слышать об этом не желает, – вздохнула Агнес. – Она очень любит меня, и мне кажется, её сердце бы разбилось, если б я её оставила. Но, матушка, ты учила меня приносить к алтарю всё, что у меня на сердце, и терпеливо ждать. Как только Бог расположит её сердце, я тотчас же переберусь к вам.

– Говоря между нами, моя девочка, – вмешалась снова Джокунда, – кажется мне, что есть ещё один человек, который может повлиять на ход событий.

– Кто же это? – удивилась Агнес.

– Твой будущий муж, – сказала Джокунда. – Я уверена, что бабушка уже присмотрела тебе кого-то. Ты же не горбатая и не косоглазая, чтобы тебе не выходить замуж.

– Я не хочу замуж, Джокунда! Я уже обещала святой Агнес, что буду жить с вами, если только бабушка согласится.

– Милое дитя! – воскликнула сестра Тереза. – Только веруй, и путь будет открыт.

– Ну-ну, посмотрим, – проворчала Джокунда. – Пойдём, малышка, если ты не хочешь, чтобы твои цветы завяли.

Поцеловав руку матери-настоятельницы, Агнес вышла со своей старой подругой и вернулась в сад.

– А теперь, детка, – сказала Джокунда, – садись и плети свои гирлянды, пока я схожу на кухню и проверю, что там начудила сестра Катерина. Она делает варенье из лимонов и изюма, но способностей к этому у неё вообще нет. Она ни на что не годится, кроме молитв, да простит меня Святая Дева! Мне кажется, я получила призвание святой Марфы; во всяком случае я не знаю, что без меня стало бы с этим монастырём. Ты знаешь, что с тех пор, как я оказалась здесь, наш мармелад, упакованный в смоковые листья, получил признание при дворе, и сама королева была так добра, что на прошлой неделе прислала нам заказ на несколько ящиков? Видела бы ты, как озадачена была мать Тереза! Но где ей разбираться в мармеладе, у неё свои обязанности. Я думаю, она считает, что его нам поставляет сам архангел Гавриил, заворачивая её в листья Дерева Жизни. Ничего, старая Джокунда еще на многое сгодиться, пусть даже она крива и стара. На старых оливковых деревьях бывают самые лучшие оливки, – закончила она победно.

– Неужели ты уже уходишь? – воскликнула Агнес. – Я так надеялась с тобой поговорить!

– Что за прелестный ребёнок! Ему нужна старая Джокунда! – захихикала старуха, глядя Агнес по голове, как маленького ребёнка. – Ну ладно, ладно, так и быть. Подожди всего

минутку, я схожу, проверю, не упала ли наша святая Катерина в кастрюлю за своими молитвами. Я быстро!

И она, действительно, торопливо заковыляла прочь, а Агнес, устроившись на обломках какой-то древней скульптуры, стала рассеянно раскладывать цветы, отряхивая с них капли воды.

Незаметно для себя самой, она села в ту же позу, что нимфа фонтана, а на её лице появилось такое же нежное задумчивое выражение. Её фигурка уже начинала проявлять первые признаки женственности, как будто на свет появлялось что-то загадочное и прекрасное.

– Ах, – вдохнула она тихо, – как я слаба, как мало могу сделать! Если б я могла обратиться хотя б одну душу! Святая Доротея, пошли ему свои небесные розы, чтобы он начал верить!

– Девочка моя, ты еще не сплела ни одной гирлянды? – послышался за ней голос старой Джокунды. – Хвала святой Марфе, варенье не пострадало, и я могу посвятить тебе минутку.

С этими словами она устроилась со своей прялкой рядом с Агнес, настраиваясь на полуденные посиделки.

– Джокунда, – осторожно начала Агнес, – а помнишь, ты когда-то рассказывала о духах, которые селятся в пустынных местах? Как ты думаешь, в нашем ущелье тоже кто-нибудь живёт?

– Как же, детка, конечно, живёт, – сказала Джокунда. – Духи всегда живут в диких пустынных местах, так сказал мне отец Ансельмо. А он однажды видел священника, который прочитал это в самом Священном Писании – значит, оно так и есть.

– А ты никогда не слышала их пения?

– Я-то? – сказала Джокунда. – Ещё как слышала! Поют так, что сердце вырывается из груди, это их старый трюк. Неужели ты не слышала историю о сыне короля Амальфи, который возвращался с битвы за Гроб Господень? Неподалёку от того города есть скалы, в которых живут сирены; и если б у принца на борту не было святого епископа, который хранил под подушкой реликвию истинного креста, то зелёные дамы утащили бы их с собой под воду и там задушили.

– Ты не рассказывала мне об этом раньше, Джокунда.

– Правда? Ну, значит, теперь расскажу. Так вот, святому епископу три раза снился сон, что они будут проплывать мимо этих скал, и поэтому он велел всем матросам залепить себе уши святым воском со свечей на алтаре, чтобы они не слышали пения. Но принц не послушался его, и не залепил себе уши. Вместо этого он попросил привязать себя к мачте и ни в коем случае не отвязывать, как бы он ни просил.

Так они и сделали, и все залепили себе уши воском, включая старого епископа, а молодого человека привязали к мачте. Когда они приблизились к скалам, он как будто помешался, и стал кричать, что слышит голос своей невесты, которая зовёт его; и голос матери, хотя та уже несколько лет как была в раю. Он умолял развязать его и изо всех сил пытался вырваться, но, к счастью, его никто не услышал, потому что у всех моряков уши были залеплены воском. Так они все благополучно вернулись домой, только молодой принц сильно заболел, так что пришлось за него молиться семь дней по семи раз, пока он не забыл дьявольское пение.

– А как же теперь, – сказала Агнес, – сирены всё ещё поют?

– Всё это было сто лет назад. Говорят, что святой епископ потом специально отправлялся туда ещё раз и хорошенько окропил их святой водой. Но брат моего мужа бывал там и рассказывал, что их всё еще слышно, только очень тихо, наподобие того, как квакают лягушки. Видишь, детка, эти духи остались здесь с языческих времён, когда – помилуй, Господи! – их было здесь столько, сколько в сыре дырок. Но честных христиан они не трогают, а если кто поставит крест или часовню в ущелье, то они понимают, что пора убираться.

– Я думаю, – сказала Агнес, – что и в нашем ущелье необходимо поставить часовню в честь святой Агнес и Господа, а я могла бы украшать её цветами и поддерживать перед ней огонь.

– Дитя! – воскликнула Джокунда. – Что за набожная и благословенная мысль!

– Во Флоренции, в монастыре святого Марка, у меня есть дядя, который рисует и работает по камню, – не за деньги, а во славу Господу. Когда он приедет к нам, я поговорю с ним, – сказала Агнес. – Он всегда приезжает примерно в это время.

– Отличная мысль, – сказала Джокунда. – А сейчас скажи мне, крошка, знаешь ли ты, кем был этот богатый молодой человек, который дал тебе кольцо?

– Нет, я не знаю, – сказала Агнес, на мгновение прекращая своё занятие, – только Джульетта сказала, что он – родственник короля, и его все знают.

– Я бы не была в этом так уверена, – сказала Джокунда. – Джульетта всегда думает, что всё знает, но это не так.

– Кем бы он ни был, меня не интересует его светское положение, – сказала Агнес. – Я помню о нём лишь в моих молитвах.

– Ну да, ну да, – пробормотала себе старая женщина, украдкой бросая испытывающие взгляды на девочку. – Ты больше не видела его с тех пор?

– Видела ли я..? Но, Джокунда, всё это произошло лишь вчера вечером...

– Ах да, правда. Что ж, детка, не будем думать о нём. Мужчины – ужасные существа, особенно в наши времена. Они крадут красивых девушек, как лиса – цыплят, и не задают вопросов.

– Он не выглядел плохим человеком, Джокунда, только гордым и печальным. Я не знаю, что может огорчать богатого и молодого человека, но в глубине сердца я почувствовала, что он несчастен. Мать Тереза говорит, что сама молитва может привести человека к раскаянию.

– Возможно, возможно, – сказала Джокунда тем же тоном, которым современные наставники отвечают на замечания подобного рода. – Я перевидала много этого народа на своём веку и, судя по их поступкам, за них никогда никто не молится.

Агнес рассеянно наклонилась, выбирая красивую веточку плауна, когда среди травы мелькнула белая надгробная табличка с надписью по-древнеримски. Наклонившись, она стала её рассматривать.

– Это могила какого-то язычника, детка, который уже несколько сотен лет находится в аду. – махнула рукой Джокунда. – Я видела их множество.

– В аду? – испуганно повторила Агнес.

– Ну да, а где им ещё быть? – сказала старуха. – По заслугам им, старым грешникам.

– Ох, Джокунда, ужасно думать о том, что всё это время они находятся в аду!

– Да, и не ближе к его концу, чем в самом начале, – равнодушно подтвердила Джокунда.

Агнес вздрогнула и подняла глаза на небо, которое лило такой благодатный свет на кусты жасмина и садовые деревья... Как это возможно, подумала она, чтобы мир мог быть так прекрасен, находясь на краю пропасти?

– Это слишком ужасно, – повторила она, – в это даже тяжело поверить. Разве они виноваты в том, что родились язычниками, и никогда не слышали об истинной Церкви?

– Конечно, – согласилась Джокунда, продолжая энергично прясть, – но это меня не касается. Моё дело – спасти мою собственную душу, и ради этого я нахожусь здесь. Святые знают, как скучно мне здесь было в самом начале, после того как я привыкла везде ездить с моим стариком и мальчиками; но сейчас, благодаря готовке и торговле, мои дела идут намного лучше, хвала святой Агнес!

Агнес рассеянно смотрела на неё, думая о чём-то своём.

– Ах! – сказал она. – Разве святые могут радоваться, зная, сколько душ находится в аду? Неужели нам не следует поститься и молиться и изнурять себя, лишь бы спасти хоть одну душу?

– Всё это непросто, – кивнула Джокунда, – но какой смысл об этом думать? Отец Ансельмо сказал на одной из своих проповедей, что Господу угодно, чтобы святые радовались наказанию грешников. Ещё он рассказывал нам историю об одном святом, который был очень расстроен тем, что один языческий автор, книги которого он любил читать, находился в аду. Он долго постился и молился, пока не вытащил его оттуда.

– Значит, это возможно? – воскликнула Агнес обрадованно.

– Да, но Господь приказал ему больше не пытаться это повторить, и для убедительности поразил его немотой. Да, отец Ансельмо говорил, что даже спасение душ из чистилища – нелёгкая работа. Он приводил пример одной монашки, которая провела девять лет, молясь и постясь за душу своего жениха, который был убит на дуэли, а потом в видении ей было показано, что за всё это время он был лишь чуть-чуть приподнят из огня. Она предложила Богу свою жизнь ради его спасения, но даже после её смерти он не был полностью спасён. Принимая это во внимание, таким как я вообще не остаётся надежды, если я не позабочусь о своём спасении сама. Хотя даже монашки не всегда идут в рай. Когда-то в Пизе я видела большую картину Судного дня; там было изображено много настоятелей, монахов и епископов, которых демоны тащили в огонь.

– О, Джокунда, как это должно быть страшно!

– Да, – сказала Джокунда, – отец Ансельмо говорил, что адский огонь – не такой, как наш огонь, у которого мы согреваемся и на котором готовим пищу. Он создан специально для мучения души и тела, и ни для чего другого. Вспоминаю одну историю, которую он нам рассказывал. Была одна старая, очень злая графиня, которая жила в большом старом замке. Её сын привёл домой красивую молодую невесту, но графиня начала к ней ревновать, потому что не хотела ей уступать своего места в доме, семейных драгоценностей и всего такого. Однажды, когда девушка была одета в кружевное платье, старая ведьма взяла и подожгла её!

– Какой ужас! – ахнула Агнес.

– Да; а когда бедняжка стала кричать и метаться, старуха сорвала с неё жемчужные чётки, чтобы те не испортились в огне.

– Святая Мать! Возможно ли такое? – сказала Агнес.

– Но она получила возмездие за свой поступок. Чётки были старинные, они находились в семье более ста лет. Но с того дня Господь проклял их, и наполнил адским огнём, так что к ним невозможно стало прикоснуться. Старая грешница притворялась, что очень скорбит по своей невестке, и что произошедшее было несчастным случаем, но она никак не могла избавиться от чёток. Она не могла их ни отдать, ни продать, потому что каждую ночь они возвращались на её сердце и жгли её адским огнём. Она дарила их монастырю, продавала купцам, – но они возвращались снова и снова; она запирала их в своём самом тяжёлом сундуке, прятала в подземельях замка, но они возвращались каждую ночь, пока она совсем не высохла и не отправилась туда, где было ей место. Её нашли утром мёртвой на кровати, а чётки исчезли. Но когда её стали одевать для погребения, то нашли следы от чёток, которые прожгли её кости до самого сердца. Отец Ансельмо рассказывал нам эту историю, чтобы объяснить, каков адский огонь.

– Джокунда, давай пока что не будем об этом больше разговаривать, – попросила Агнес дрожащим голосом.

Старая Джокунда обладала спокойным характером и крепкими нервами. Она не привыкла церемониться в выражениях и не могла себе представить боли, которую весь этот разговор причинял чувствительному ребёнку рядом с ней. То, что Джокунду слегка оживляло и развлекало, для Агнес было подобно ножу, который врезался в самое её сердце.

Это может звучать парадоксально, но религия, которая принесла с собой сочувствие и доброту, создала больницы для страдающих, приюты для сирот, освобождение порабощён-

ным, – вместе с тем принесла также весть о вечном безвозвратной гибели большей части человечества в настоящем и прошлом.

Современные посетители Италии с отвращением смотрят на выцветшие от времени фрески с изображением адских мук. Но живой итальянский ум видел в теме вечного проклятия огромный источник вдохновения. Каждый монах, который пытался произвести впечатление на своих слушателей, на свой лад использовал приёмы Данте. Именно благодаря произведению этого поэта нам открывается фантазия средневековья, которая наделила ад тем физическими мучениями, которые были их повседневностью.

До сих пор Агнес замечала лишь благостные стороны своей веры, представляла себе мир святых и райское блаженство, надеясь в глубине сердца, что они станут участью всех знакомых ей людей. Её возвышенные идеи разделяла мать Тереза; страшные истории Джокунды обычно не попадали в её кругозор.

Стараясь избавиться от пугающих образов в своей голове, Агнес отправилась украшать алтарь, что было её любимым делом.

Для глубоко верующих христиан тех времён мир усопших святых не был абстрактным, безжизненным понятием, но одним великим «облаком свидетелей». Умершие праведники не покинули этой земли: и видимая, и невидимая церковь находятся в постоянной взаимосвязи, исполненной любви и сочувствия друг ко другу. К святым обращались за заступничеством, веря, что они присутствуют в кругу своих прежних друзей и разделяют их радости и печали. Слова гимнов, написанных Савонаролой, прекрасно отражают отношение передовых христиан того времени к общению с умершими: любовь и почтение к усопшим, вера в единство церкви вдохновляют живых на новые подвиги.

Со временем это искреннее общение переросло в поклонение и приобрело признаки идолопоклонства, когда почитание любимых невидимых друзей заслонило доступ к самому Богу. Однако маленькая Агнес, суевившаяся у алтаря своей покровительницы, верила, что девочка, улыбающаяся ей с иконы, видит каждый её шаг на пути веры и ласково направляет вперёд.

За этим занятием быстро пролетело время и, когда вечером за внучкой пришла Эльси, та удивилась, что день уже закончился.

Старую Эльси распирала гордость за собственную мудрость и предусмотрительность. В течение дня к её прилавку несколько раз подходил всё тот же молодой человек. Один раз он даже осмелился спросить про отсутствующую внучку, и Эльси похвалила себя саму за ту ловкость, с которой она приняла необходимые меры.

Одним словом, она была в прекрасном настроении.

Когда обе вышли из монастыря и спустились по крутой горной лестнице к самому морю, перед ними открылся восхитительный закат, всю загадочность и прелесть которого может представить себе только тот, кто хоть однажды прогуливался вечером по пляжу Сорренто.

Агнес побежала вдоль берега, выискивая маленькие чёрные и красные кораллы, а также ошлифованные волнами разно-цветные кусочки мозаики из древних храмов и дворцов, которые никогда не устаёт выбрасывать море в этих местах.

Занятая поиском сокровищ, она неожиданно услышала за спиной голос Джульетты.

– Эй, Агнес! Где ты пропадала целый день?

– Я была в монастыре, – ответила Агнес, останавливаясь и улыбаясь Джульетте всем своим открытым, доверчивым лицом.

– Что! Неужели ты и в самом деле отнесла кольцо в монастырь святой Агнес?

– Конечно же, – сказала Агнес.

– Глупенькая, – засмеялась Джульетта, – он совсем не для того тебе подарил. Он хотел дать его тебе, только рядом была твоя бабушка. У тебя никогда не будет ухажёров, если она будет постоянно следить за тобой!

– Обойдусь и без этого, – сказала Агнес.

– Я могла бы сообщить тебе кое-что о нём, – многозначительно подмигнула Джульетта.

– Ты мне вчера уже кое-то сообщила, – сказала Агнес.

– Но я могу сказать даже больше. Он хочет снова с тобой увидеться.

– Зачем? – сказала Агнес.

– Глупенькая, он в тебя влюбился, вот зачем! Ты ещё не знаешь, что такое иметь поклонника. Самая пора завести!

– Они мне не нужны, Джульетта. Надеюсь, мы с ним никогда больше не увидимся.

– Ох, что за чепуха, Агнес! Что ты за смешной ребёнок! Когда я была младше тебя, у меня уже было полдюжины молодых людей.

– Агнес! – послышался резкий голос Эльси, которая торопливо приближалась к ним. – Не убегай далеко от меня! А ты, мисс Болтливый Язычок, катись своей дорогой и оставь моего ребёнка в покое.

– Кто трогает Вашего ребёнка? – возмущённо огрызнулась Джульетта. – Разве с ней уже и поговорить нельзя?

– Знаю, знаю, о чём тебе хочется поговорить! – сказала Эльси. – Учишь её всяким глупостям, бесстыдница! Но она не твоей породы, уж ты мне поверь. Идём, Агнес!

Сказав это, Эльси схватила девочку за руку и быстро пошла прочь, оставив Джульетту глядеть им вслед округлившимися от негодования глазами.

– Старая ведьма! – проворчала Джульетта. – Клянусь, я устрою ему свидание с малышкой, хотя бы просто для того, чтобы насолить старухе. Пусть делает что хочет, мы обернём её вокруг пальца прежде, чем она успеет опомниться. Петро сказал, что её хозяин без ума от девочки, и я обещала ему помочь.

Между тем, сворачивая в рощу, ведущую к ущелью, Эльси и Агнес неожиданно сами столкнулись со вчерашним знакомым.

Увидев их, он остановился и, сняв шляпу, отвесил им обеим такой низкий поклон, как будто они были принцессами.

Старая Эльси нахмурилась, Агнес сильно покраснела, и обе быстро прошли мимо.

Оглянувшись, пожилая женщина увидела, что молодой человек медленно следует за ними на расстоянии. Похоже было на то, что он собирается следить за ними, но его поведение было не настолько нахальным, чтобы давать ему немедленный отпор.

Глава 8. Молодой человек

Поразителен контраст в итальянском быту между условиями жизни на улице и дома. Снаружи всё цветёт, сияет и пахнет; внутри – сыро, темно и грязно. За исключением ухоженных дворцов богачей, жилища в Италии напоминают скорее берлоги, чем дома; при одном взгляде на них посторонний наблюдатель тотчас же понимает, почему эти энергичные и красивые люди проводят почти всю свою жизнь на открытом воздухе.

Невозможно представить себе ничего более похожего на рай, чем вечер в Сорренто. Солнце только что зашло, но в воздухе ещё струится рассеянное сияние, бросающее нежную радугу на поверхность моря. В широкой багряной полосе восходит месяц; он всё ещё низко над горизонтом, и его серебристый серп тоже кажется слегка розоватым. Рыбаки забрасывают сети; над золотисто-фиолетовой водой разносится их весёлое пение, а каждый всплеск весла, каждое движение лодки рассыпается по воде кругами сверкающих искр.

Волшебное свечение вечера окрашивает в розовый оттенок и старую каменную статую святого Антония.

В такой вечер все молодые жители Сорренто собираются поболтать на старом римском мосту, соединяющем обе стороны ущелья. Они празднично заглядывают в тенистые глубины пропасти, разговаривают и флиртуют друг с другом, как заведено на свете испокон веков.

Джульетта выделяется среди девушек своей красотой и самоуверенностью. Её чёрные как вороново крыло расчёсаны и отполированы до блеска, а наряд выгодно подчёркивает фигуру. Огромные жемчужные серьги поблёскивают, когда она качает головой; в середине каждой сверкает по изумруду. Итальянской крестьянке внешность выбирает Провидение, но серьги она обязана раздобыть сама, – ибо что за жизнь без серег? Огромные жемчужные серьги женщин Сорренто передаются из поколения в поколение; их складывают жемчужина за жемчужиной, и каждая оценивается в заработок нескольких лет.

Джульетта родилась в этот мир, как говорится, с золотой ложкой во рту: огромные жемчужные серьги ей оставила по наследству бабушка, трудолюбивая и энергичная женщина. Удачливой кокетке оставалось только демонстрировать всем своё сокровище, что она охотно и делала.

Этим вечером Джульетта проводила вечер в сопровождении высокого, изящно одетого молодого человека в шляпе с пером и красной накидке. Похоже, он был очарован своей спутницей, его большие тёмные глаза следили за каждым её движением. Она же то весело и доверчиво поддерживала с ним разговор, то вдруг переставала обращать внимание и делала вид, что уходит: ей доставляло удовольствие наблюдать, как каждый раз он бросался вслед за ней.

– Джульетта, – сказал, наконец, молодой человек, когда они оказались вдвоём у края моста; его голос звучал необычайно серьёзно, – завтра мне придётся уехать.

– И какое это имеет ко мне отношение? – сказала Джульетта равнодушным голосом, бросая на него кокетливый взгляд из-под длинных ресниц.

– Жестокая! ты же знаешь...

– Чепуха, Петро! я ничего о тебе не знаю, – перебила она, хотя её прекрасные глаза говорили обратное.

– Ты поедешь со мной?

– Что ты сейчас сказал?! Мы едва знакомы, а ты предлагаешь мне следовать за тобой на край света? Помилуй, как далеко до твоей лачуги?

– Всего два дня пути, Джульетта, и ты поедешь верхом.

– Благодарю Вас, сэр, Вы очень любезны! – я и не собиралась идти пешком. Но, честно говоря, Петро, я не думаю, что это подходящее место для приличной девушки.

– У нас живут только порядочные женщины, Джульетта, а у всех наших мужчин есть семьи. Даже наш хозяин уже выбрал себе невесту, если я не ошибаюсь.

– Кого? маленькую Агнес? – засмеялась Джульетта. – Ему понадобится очень много удачи, чтобы её заполучить. Бабушка стережёт её как старый дракон и не выпускает из виду ни на секунду.

– Хозяин знает, как добиться своего, – сказал Петро. – Допустим, мы могли бы похитить их обеих посреди ночи, и никто бы даже не догадался. Но он хочет, чтобы девушка пришла к нему по доброй воле. Во всяком случае, завтра он отсылает нас в горы, а сам остаётся здесь ещё на несколько дней.

– Знаешь что, Петро? Вы не лучше турков или каких-нибудь других дикарей. Как ты смеешь так рассуждать о похищении девушки! А что будет, если у вас там кто-нибудь заболит или умрёт? Что тогда будет с его душой!

– Что ты говоришь, Джульетта! У нас есть священники. Мы все очень набожны и никогда не выходим из дому, не произнеся молитву. Мадонна – добрая мать, она прикрывает глаза на грехи таких хороших сыновей, как мы. Во всей Италии нет места, где у неё было бы больше свечей, и колец, и браслетов, и всего, чего только может пожелать себе женщина. Каждый раз, возвращаясь домой, мы привозим ей какой-нибудь подарок. Все наши женщины тоже одеваются как принцессы, и делать им ничего не нужно с утра до вечера. Ну что, поедешь со мной?

Пока они так разговаривали на мосту, наслаждаясь красотой вечера, совсем другой разговор шёл на постоялом дворе Альберго делла Торре, в одном тех тёмных и сырых помещений, о которых мы уже упоминали. В грязной комнате, где каменный пол, казалось, не подозревал о существовании метлы, сидел наш знакомый из первой главы, так часто упоминаемый в связи с Агнес. Его благородный вид образованного светского человека разительно контрастировал с неряшливостью и убожеством комнаты, как будто драгоценный бриллиант, выброшенный в грязь.

Он сидел у открытого окна, подперев голову рукой и глубоко задумавшись, когда открылась дверь, и на пороге показался мужчина почтенного возраста.

– Что ты хотел, Паоло? – спросил находившийся в комнате, вздрагивая от неожиданности.

– Милорд, все наши уезжают сегодня ночью.

– Отлично, пускай едут, – нетерпеливо сказал его молодой человек. – Я присоединюсь через несколько дней.

– Ах, милорд, позвольте Вас предостеречь! Зачем Вам рисковать, задерживаясь здесь? Вас могут узнать, и тогда...

– Ничего мне не грозит, – отмахнулся тот.

– Простите, милорд, но я обещал моей дорогой хозяйке, Вашей матери, на её смертном одре...

– ...никогда не давать мне покоя, – сказал его хозяин с досадой в голосе, но улыбнулся. – Говори, Паоло. Я знаю, что тебя не остановить, если ты что-то надумал.

– Видите ли, милорд, эта девушка, – я навёл справки, и все в один голос говорят, что она набожна и скромна, – так вот, она – единственная внучка бедной старой женщины. Разве великому потомку древнего рода пристало обижать крестьянку?

– Кто собирается её обижать? «Потомок древнего рода»! – повторил молодой человек с горьким смехом. – Ты смеёшься надо мной, Паоло! Я нищий изгнанник, лишённый всего – титула, наследства, владений! Неужели я пал так низко, что недостойн посвататься даже к бедной крестьянке?

– Милорд, Вы не в состоянии ничего предложить крестьянке, а потому Ваш интерес к ней может обернуться только её позором. Вы – наследник семьи Сарелли, которая восходит своими корнями к самой Римской империи!

– И что мне пользы с того, что моя семья «которая восходит своими корнями к самой Римской империи»? Мой род искоренён как сорняки, выброшенные на полуденное солнце. Что мне осталось, кроме гор и моего меча? Нет, Паоло: я, Агостино Сарелли, наследник древнего рода не собираюсь позорить набожную и скромную девушку, разве что она посчитала бы позором стать моей женой.

– Тогда остаётся ждать помощи только от святых! Милорд! в своё время наш дом был породнён с королевской кровью. Я могу напомнить Вам, как Иоахим VI...

– Послушай, мой дорогой Паоло, избавь меня от очередной лекции по истории. Дело в том, дружище, что в мире всё идёт кривь и вкось, всё перевернулось вверх ногами и неизвестно, чего ещё ждать. Благородные семьи разорены и уничтожены, наши земли опустошены, а Чезаре Борджиа свирепствует на них, как дикий кабан.

– О милорд, – сказал старый слуга дрожащим голосом, – времена, действительно, тяжкие. Говорят, что Его Святейшество отлучил нас всех от церкви. Анзельмо вчера услышал это в Неаполе.

– Отлучил? – повторил молодой человек с нескрываемым презрением. – Отлучил! Очень на это надеюсь! Каждый порядочный человек в этой стране должен молиться Святой Деве, чтобы это развратный, лживый, извращенный человек со своей свитой убийц отлучил его от своей церкви! Боюсь, что в наши времена отлучение – это единственная надежда попасть в рай!

– О дорогой хозяин, – воскликнул старик, падая на колени, – что с нами теперь будет? Я не могу поверить, что Вы выражаетесь как нечестивец и язычник...

– Вот бедный старый дурак! Ты что, никогда не слышал, как Данте описывал пап, которые горят в аду? Скажи на милость, разве Данте не был христианином?

– О милорд, милорд! Религия не строится на поэмах и романах. Нас не касаются личные дела главы церкви, ведь он назначен самим Богом! Нам следует закрыть глаза и подчиниться. Хорошо Вам говорить, пока Вы молоды и здоровы, но если придут болезни и смерть, нам понадобится религия, – а куда обратиться, если мы отлучены от единой истинной римско-католической апостольской церкви? Увы, я подозревал, что поэзия не послужит Вам на пользу, хотя покойная хозяйка очень гордилась Вами. Все эти поэты – еретики, милорд, таково моё убеждение. Но, милорд, если Вы отправитесь в ад, то и я отправлюсь с Вами. Поверьте, мне стыдно будет показаться на глаза святым, если я приду в рай без Вас.

– Полно, полно тебе, Паоло, – сказал молодой аристократ, протягивая слуге руку, – не принимай всего так близко к сердцу. От церкви отлучают людей намного более святых и добродетельных, чем я, и никакого вреда им это не приносит. Ты слышал о Джеромо Савонароле во Флоренции? О нём говорят, что он – самый святой человек наших времён, который получает откровения прямо с неба, – а ведь он тоже отлучён. Но несмотря на это, он продолжает проповедовать и причащает своих прихожан, и никто не возражает.

– Всё это для меня – загадка, – печально сказал пожилой слуга, качая своей седой головой. – Я ничего не могу в этом разобрать. Я не смею открыть глаза от страха, что стану еретиком. Всё смешалось, всё перепуталось. Но что бы там ни было, своей религии надо держаться. Ведь, потеряв в этом мире всё, что мы имели, было бы слишком обидно в конце концов ещё и попасть в ад.

– Поверь, Паоло, я не перестал быть христианином. Я, как Боккаччо, верю в христианство всем своим сердцем, потому что считаю, что оно пришло от Бога; иначе папы и кардиналы давно изжили бы его со света. Один лишь Бог в состоянии сохранить его вопреки всему.

– Опять Вы, дорогой хозяин, цитируете романы! Ах, ах, ах! и чем это всё закончится? Я лишь молюсь и стараюсь не вникать в то, что превосходит моё понимание. Но сейчас, дорогой хозяин, неужели Вы собираетесь остаться из-за этой девушки, пока кто-нибудь из наших врагов

не прослышит, что Вы здесь? Да и наш отряд более уязвим в Ваше отсутствие; начинаются ссоры и разделения.

– Дай мне один день, – нетерпеливо сказал молодой человек, – всего один день, слышишь? Я должен найти возможность поговорить с ней ещё раз. Я *должен* её видеть.

Глава 9. Художник-монах

Был вечер того самого дня, когда Агнес с бабушкой вернулись из монастыря. Закончив ужин, они вышли в сад и теперь стояли у каменного парапета, глядя в ущелье. Их внимание неожиданно привлёк мужчина в монашеской рясе, который медленно поднимался по скалистой дорожке, приближаясь к их дому.

– Не брат ли Антонио идёт к нам? – сказала дама Эльси, наклоняясь вперёд и вглядываясь в темноту. – Точно, это он!

– Ох, как я рада! – воскликнула Агнес, живо подпрыгнув и с нетерпением высматривая дядю.

Ещё несколько минут подъёма, и странник появился у калитки, приветствуя двух женщин жестом благословения.

По виду он был немного старше средних лет и незаметно приближался к старости. Высокий и хорошо сложенный, с тонкими чертами лица и внимательными тёмными глазами, с подвижными губами и румянцем на щеках, он с первого взгляда выдавал в себе того, кем был на самом деле: человека с тонкой душевной организацией, чуткого и духовного. Когда он разговаривал, все чувства отражались на его лице, а глаза вспыхивали каким-то внутренним светом и казались одухотворёнными.

На нём была простая, грубая ряса доминиканского монаха, которую он покрывал тёмным дорожным плащом с капюшоном. На боку болтались чётки и огромный чёрный крест, а в руках он нёс кожаную папку, набитую листами бумаги.

Отец Антонио, которого мы только что описали, был странствующим монахом и проповедником из монастыря святого Марка во Флоренции.

В Средние века монастыри нередко становились домом для тех, кто не согласен был жить в состоянии постоянной войны. Особенно живо под крышами монастырей развивались живопись и другие искусства: декоративное садоводство, резьба по дереву, переплёт и оформление книг, каллиграфия, изготовление лекарств. Именно с монастырями связаны славнейшие имена итальянских деятелей искусства. Особенно знаменит в этом отношении был монастырь святого Марка во Флоренции. Во дни своего расцвета это место сплотило вокруг себя почти идеальное общество, соединившее в себе религию, красоту и интеллект. Для всех одарённых поэтических натур монастырь был возможностью побега от прозы повседневной жизни.

Вопреки распространённому мнению о средневековых монастырях, монастырь святого Марка не был стоячим болотом: напротив, здесь кипела энергия, рождались идеи, которые опережали свой век. Вдохновителем и добрым гением монастыря был его аббат Савонарола – поэт и пророк итальянской религиозной жизни того времени.

Савонарола был итальянским Лютером, и отличался от своего северного брата настолько же, насколько горячие и пылкие итальянцы отличаются от сдержанных и чопорных немцев. Как Лютер, Савонарола выступал против коррупции и светского духа церкви, пытался вернуть христианство к духу и обычаям простых евангельских времён.

Как Лютер, Савонарола со временем оказался в центре интеллектуального общества страны. Он вдохновлял кисти художников, давал советы государственным деятелям, писал стихи и собирал толпы народа на свои проповеди. Монахи его ордена путешествовали по всей Италии, восстанавливая разрушенные часовни и церкви, выступая против плотской чувственности в искусстве и призывая народ к очищению и вере.

Отец Антонио был младшим братом Эльси. В ранней молодости он стал членом монастыря святого Марка; его привлекала там не только религия, но и искусство. В отношениях с сестрой у отца Антонио не было практически ничего общего: она была столь же далека от поэ-

зии и духовных устремлений, как самый закоренелый нью-йоркский делец, и преследовала в жизни лишь одну цель – устройство будущего своей внучки.

Конечно же, Эльси считала своего брата очень достойным верующим человеком, который соответствует своему монашескому призванию, но она находила неуместной его неизменную восторженность, а уж к его художественным устремлениям была совершенно равнодушна. Агнес же, напротив, с детства всем сердцем привязалась к дяде и ждала его ежегодных визитов, как ждут каникул или праздников. Дядя был для неё тем, кому можно рассказать все секреты, инстинктивно скрываемые от бабушки; поделиться всеми чувствами и впечатлениями, которым бабушка не придавала бы никакого значения.

Со своей стороны, Эльси обрадовалась приезду брата, потому что это позволяло ей немного расслабить своё неусыпное наблюдение за внучкой. Теперь, когда приехал отец Антонио, она могла позволить себе встретиться с подругой и немного отдохнуть.

– Дорогой дядя, как же я рада тебя снова видеть! – восторженно воскликнула Агнес, едва монах ступил в сад. – И ты привёз свои картины! Думаю, у тебя там столько красивого!

– Полно, полно, дитя, – тут же вмешалась Эльси, – не будем начинать с этого. Думаю, для начала не помешает принести немного хлеба и сыра, а то дядя проголодался с дороги. Иди, брат, умой ноги, а я вытряхну пыль из твоего плаща.

– Спасибо, сестра, – сказал монах, – а ты, моя птичка, не обращай на бабушку внимания. Я привёз тебе много интересного! – Она хороший ребёнок, сестра.

– Да, конечно, хороший, даже слишком хороший, – фыркнула Эльси, суетясь. – Только не бывают розы без колючек, это уж точно.

– Только у благословенной Розы Шаронской нет колючек, – благодушно ответил монах и набожно перекрестился.

Вслед за ним, наклонила голову и перекрестилась Агнес; Эльси тоже прекратила резать хлеб и нетерпеливо перекрестилась, – как сделал бы светский человек, который вынужден прервать интересную беседу ради молитвы.

Отдав должное законам гостеприимства, пожилая дама удобно устроилась на пороге дома со своей прялкой и поручив Агнес надёжной опеке своего брата. Она с удовольствием посматривала издали, как эти двое сидят на парапете, наклонившись над папкой с рисунками, а тёплый вечерний свет мягко очерчивает их контуры.

В кожаной папке хранилась целая коллекция дорожных набросков брата Антонио. Рисунки фруктов, цветов, животных, насекомых, лиц, фигур, храмов, зданий, деревьев, – одним словом, всё, что может привлечь внимание человека, способного разглядеть красоту в каждом проявлении природы.

– Какая прелесть! – восторженно выдохнула Агнес, разглядывая рисунок с пучком розовых цикламенов на горной полянке.

– Они были просто чудо, моя дорогая, – согласился художник. – Видела бы ты то место, на котором я их обнаружил! Я остановился там рано утром, чтобы совершить молитву. Рядом находился небольшой водопад, а вокруг – целая поляна цикламенов; весь воздух был полон их аромата. Жаль, я не могу передать на рисунке этот розовый оттенок, у меня нет таких красок!

– Что они означают, дядюшка? Ведь у каждого цветка есть своё значение, не так ли?

– Конечно, моя девочка, – ответил монах, который обожал находить символическое значение во всём, что его окружало, – цикламены появляются из земли ранней весной, в тени, в сырых и прохладных местах, но на их головах распускаются прекрасные короны. Это напоминает мне Божьих людей, которые живут в монастырях и других малоприметных местах и хранят святое слово в своих сердцах. В ответ Бог поселяет в их душе прекрасные цветы любви, и увенчивает их Своей благодатью.

– Какое благословение – жить среди таких людей! – мечтательно сказала Агнес.

– Ты верно говоришь, детка. Благословенны Божьи цветы, которые могут жить в Его тени и не страдают от жгучих лучей и пыли этого мира!

– И я хотела бы быть одной из них, – сказала Агнес. – Посещая сестёр в монастыре, я часто думаю о том, что сама осталась бы с ними.

– Это что ещё за разговоры! – вмешалась Эльси, которая услышала её слова, – ты хочешь уйти в монастырь и оставить свою бедную бабушку совсем одинёшеньку? А кто, скажи на милость, трудился для тебя день и ночь многие годы, чтобы собрать для тебя приданое и найти тебе достойного мужа?

– Мне не нужен муж, бабушка, – сказала Агнес.

– Что я слышу? Тебе не нужен хороший муж, который позаботится о тебе, когда не станет твоей бедной бабушки? Кто тогда будет заботиться о тебе?

– Тот же, кто позаботился о святой Агнес, бабушка.

– О святой Агнес, ещё бы! Это было очень, очень давно, и мир с тех пор сильно изменился. В наше время девушке необходимо иметь мужа. Не так ли, брат Антонио?

– Но что, если у девочки призвание? – мягко возразил художник.

– Призвание! Я лично присмотрю за тем, чтобы у неё не было призвания! Нет, вы думаете, я на это соглашусь? Вкалывать до седьмого пота, а потом всё потерять, потому что у неё, видите ли, призвание? Нет, в самом деле!

– Пожалуйста, дорогая бабушка, не сердись! – взмолилась Агнес. – Я сделаю всё, как ты хочешь, только разреши мне не выходить замуж.

– Ну ладно, ладно, крошка, не всё сразу. Я не буду заставлять тебя выходить замуж, пока ты сама не дашь на это согласия, – сказала Эльси, успокаиваясь.

– Ах, – тихо сказала Агнес, – как я слаба и мала! Если бы я могла каким-то образом послужить дорогому Господу, который отдал Себя за нас, и Его святой церкви!..

Её бледное лицо слегка порозовело, в глазах блеснули слёзы. Монах смотрел на неё с восхищением.

«Она выглядит, как святая дева в день Благовещенья, – подумал он. – Я уверен, что ей дана особая благодать. Теперь я знаю, что нашёл ответ на свои молитвы».

– Дочь моя, – сказал он мягко, – в последнее время во Флоренции совершается много славного, и всё это благодаря проповедям нашего благословенного аббата. Поверишь ли ты, что раньше находились художники настолько извращенные, что рисовали падших женщин в роли святой девы? А аристократы покупали их картины и дарили церквям, и таким образом Беспорочная Мать являлась людям в образе зла и разврата, – разве это не отвратительно?

– Какой ужас, – прошептала Агнес.

– Да, но видела бы ты огромную процессию во Флоренции, которая выступила против этого! Даже дети были вдохновлены словами нашего дорогого отца. С крестом и набожными гимнами они шли от церкви к церкви, и от дома к дому, требуя, чтобы всё злое и развращённое было предано огню; жители Флоренции выносили на площадь свои картины и книги, а дети устроили их в огромный костёр на площади. После этого наш аббат посвятил кисти и карандаши художников и призвал их искать образы среди набожных и святых женщин, которые живут скромно и уединённо, как сама святая дева до Благовещенья.

– Разве есть на земле та, которая была бы достойна стать прообразом святой Девы! – вздохнула Агнес благоговейно.

– Дорогое дитя, есть женщины, которые даже не подозревают, какую благодать дал им Господь. Как будто небесное сияние отражается на их лицах; и именно таких образов ищут набожные художники. Моя девочка, я уверен, что ты – одна из тех, кого избрал Господь. Я получил внутреннее откровение, что тебе предназначено быть прообразом для моей картины «Радуйся, Благодатная!»

– О нет, нет, это невозможно! – воскликнула Агнес, закрывая лицо руками.

– Дитя, ты одарена большой красотой, и это дано тебе не для себя, а для славы Божьей. Ты можешь принести Ему в дар свою красоту, как приносишь цветы на алтарь святой Катерины. Подумай, какое благословение ты принесёшь верным, напоминая им о скромности и смирении Марии; разве это не богоугодное дело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.